

Олег Ерёмин

Волны
и небо!

Олег Ерёмин

Волны и небо!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143469

ISBN 9785448347382

Аннотация

Сплелись воедино реальность и сны. Их не разделить, не понять по отдельности. И сквозь них ведет меня Путь. Путь к себе и своей любви.

Содержание

Сны о чем-то большем	8
Сейчас	19
Свет и тень	21
Глава 1. Провал	24
Глава 2. Исследователи	36
Глава 3. Служба	50
Глава 4. Маски и лица	62
Пероекресток	68
Реальность и сны	68
Раз, два, три, четыре, пять – Я иду тебя искать	69
Еще раньше	69
Еще раньше	70
До всего этого	71
Работа	73
Сарагон	76
День рождения	78
Сарагон	80
Наташа	82
Ты.	83
Сарагон. Дозор	86
Ремесленник	89
Сарагон. Черный замок	97
Датчик	98

Сарагон. Под стенами	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Волны и небо!

Олег Ерёмин

© Олег Ерёмин, 2016

ISBN 978-5-4483-4738-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я иду по Пути.

Вверх по лестнице дней

Каждый шаг – только ввысь

Только к звездам и сказочным снам

Эти сны я вплету в свою жизнь

Эту жизнь я пройду по Пути.

Этот путь приведет меня в небо.

Это небо объятием встретит меня

Я иду по Пути

Я не знаю, куда приведет меня путь, на который я вышел теплым августовским вечером двадцать восемь лет тому назад. Но у меня нет другого пути, и путь этот – мой. Раньше я не догадывался, что иду по нему. Лишь недавно я понял, что ни одно событие моей жизни не было случайным. Что радость и горе, счастье и слезы – все это вехи, шаги на дороге, ведущей меня вверх. К самому себе. Тому, кем я могу, а зна-

чит, обязан стать. И что беды мои – лишь приглашение к работе, звонки на уроки. А близкие мне люди, встречу с которыми подарила судьба – мои учителя в школе жизни.

Спасибо вам всем. За то, что вы есть. За то, что вы такие, какие есть. За Свет и Тень. Без вас я не прошел бы и шага. Я по-разному к вам отношусь, но все равно благодарен Судьбе, или Богу, или Вселенной за то, что встретил вас и смог научиться тому, чему научиться смог.

Я сейчас в середине пути. Во времени и месте, из которого можно и нужно оглянуться назад, чтобы понять и принять дорогу, уходящую вдаль.

И я оглядываюсь. Я вспоминаю. То, что было со мной, и что могло быть. То, что только снилось, и что вошло в мою жизнь из мира за гранью сна. Это все переплетено и потому неразрывно. И клубок из всего этого – Я.

Если хотите, пройдите тропинками памяти вместе со мной. Я не обещаю быть хорошим. Я не буду добрым и правдивым. Но я всегда и во всем останусь честным перед вами и собой. Друзья мои, не ищите себя среди героев. Ни одного из вас здесь нет. И все, о ком я пишу – это вы.

Вот и все. Я обозначил точку старта и махнул сам себе клетчатым флажком.

В путь!

Было все.

Раскаленные камни ристалища с пятнами крови.

И мягкие губы твои.

*Выстрелы в темном городе этого Мира
и за пределом его.*

И Черный замок под весенним Солнцем.

Я расскажу обо всем.

Но сначала...

Сначала Волны и Небо

Волны и Небо.

СНЫ О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ

Четыре года назад в реальности и вне ее.

– У Кастанеды есть одна очень важная идея. О точке сборки слышали?

– Знакомое выражение, но толком не помню, – откликнулся Володя. Я, Игорь и Антон выжидательно промолчали.

– Это довольно просто, – продолжил Сергей. – Человек является частью всеобщего поля. Маги способны ощутить сплетение информационных волокон. Этих волокон бесконечное множество и наше восприятие зависит от того, какие из них проходят через центр нашей сущности – точку сборки. По Кастанеде, маг способен перемещать эту точку. Тем самым он меняет восприятие мира. Точнее миров – бесконечное число которых одновременно существует вокруг нас. Медитация – это контролируемое смещение. Обычный сон – тоже смещение, но спонтанное, неподконтрольное.

– И как же ее смещать, эту точку сборки? – заинтересовался Антон.

– Знаешь, по-моему, любая медитация – это уже смещение. Другое дело результативность. Но тут уж у кого как получится.

– И кто к чему предрасположен, – задумчиво добавил Игорь.

– Да, но ведь есть, наверное, особенно действенные медитации? – Антон подался вперед.

– Может быть, – с легким сомнением отозвался Сергей, – Хотя, я думаю, Игорь прав. У каждого свой путь.

У каждого свой путь

И чем дальше по нему идешь, тем дальше становишься от других, идущих собственной дорогой.

Сколько же прошло времени? Года три? Да, где-то так. А кажется, что вечность...

У Сергея давно уже своя школа, свои ученики, которые считают его «Гуру», и готовы усердно выполнять любую рекомендацию. Хорошо хоть, что он этим не злоупотребляет.

Антон прошел кучу школ в поисках «самой действенной медитации», в конце концов охладел к Востоку (а также к Западу, Северу и Югу), принял постриг и, обозвав экстрасенсов сатанистами, ушел в какой-то монашеский скит где-то на Алтае.

С Володей нас тоже судьба развела. Я надеюсь, что у него все сложится как надо. И жизнь окажется к нему добрей, чем к нам.

Добрей чем к Игорю

Эх, Игорь, Игорь, как же твой цинизм и вера в исключительную правоту науки не остановили тебя? Почему ты сорвался?

Мы с Володиёй иногда заходим в больницу, справляемся о нем. В палату нас не пускают. Врачи говорят: «Кома». Сергей говорит: «Ушел. Сверхглубокая медитация. Передвинул точку сборки». А я не могу забыть последний разговор с Игорем. Как он сказал? «Эта жизнь мне не удалась. Скучно, хочу действий. Осточертели болтовня и лекции для малограмотных. Уйду я отсюда... Хотя Там и страшно».

Мне тоже было нелегко здесь, в этом мире, где нет места чуду. Где приходилось постоянно быть настороже. И где у меня никого не было.

Я все чаще уходил вглубь. Пытаясь уловить отблески иных миров и забытых снов.

А это был не сон.

Хоть я и знал, что мне все снится, а тело мое лежит в мягкой постели.

Но было радостное чувство, что я живу, что я владею миром. Что мне подвластно все.

И для проверки я остановился. Внимательно всмотрелся и впитал в себя дорогу, сбегаящую вниз широкой серой лентой. Желтый глинистый откос слева, чуть потемневшую зелень августовского леса – справа. И раскинувшееся впереди море.

Оно вставало передо мной, как гигантский синий занавес из тяжелого плиссированного шелка, перебираемого легким ветерком.

Дорога уходила к нему, постепенно становясь все круче, и оттого плавно горбилась, как бы ныряя в бездонную синь.

Я глубоко вздохнул, пошел, постепенно убыстряя шаги, и, наконец, побежал по упругому, похожему на асфальт, покрытию.

Я больше не смотрел под ноги. Только вдаль. И потому казалось, что море плавно придвигается ко мне, открывает серовато-золотистые пляжи, далекий мыс, врезающийся в него справа лиловым языком. И Скалы.

Они вырастали оранжево-кремовыми столбами и арками в сотне метров от берега. Причудливо переплетались, образуя подобие разрушенного замка.

На камнях пестрели разноцветными пятнышками купальники загорающих, карабкающихся и ныряющих людей, слышался ритмичный шорох прибоя, на который наслаивались веселый гомон и редкие всплески.

А между Скал шла к берегу синяя яхточка со сверкающим белым парусом.

Это плыл мне навстречу Виталька.

Я выскочил на галечный пляж, скинул одежду и бросился в бодряще прохладное море.

Командор Виталька лихо развернул яхту в десяти метрах от берега. Парус заполоскал и обвис, потеряв ветер.

Я глубоко вдохнул соленый воздух и нырнул, вывернувшись животом вверх и проплыл под похожей на перевернутую вверх пузом акулу лодкой, вынырнул с обратной ее сторо-

ны и, резко подтянувшись, перевалился через борт. Хлопнул мокрой ладонью по загорелой костлявой спине склонившегося над противоположным бортом Витальки.

Он обернулся, озарил меня белозубой улыбкой, с размаху впечатал мне крепкое рукопожатие.

– Плыдем?

– Плыдем! – отозвался я. – Только, чур – я за парусом.

Он улыбнулся еще шире. Встряхнул меня за плечо и пошел на корму к рулю.

Мы понеслись, разрезая водные пласты, и шкот трепетал и дергался, как живой, в моих руках, а парус, налившись ветром, выгибался и гудел. Скалы надвинулись на нас, выросли, нависли над головой изъеденными морем и ветром шершавыми арками. Мы лихо и стремительно пронеслись между ними, и стали, резко уваливаясь с борта на борт, лавировать между каменными глыбами, воротами, наклонными пилонами. Это было захватывающе, немного страшновато и весело.

Потом мы вылетели на чистую воду, и, накренившись на правый борт, быстро заскользили в сторону мыса.

Мы обогнули его и поплыли мимо дикого скалистого берега с узкой полосой каменистого пляжа и уходящими далеко в море подводными рифами, поросшими бурыми мохнатыми водорослями.

Виталька знал здесь все проходы и без страха проскакивал между темными полосами рифов над желтовато-зелеными ущельями.

– Олег, давай притормозим!

Мы быстро и сноровисто убрали парус.

Повисли посреди широкого прохода между отвесных подводных стен.

Виталька подпрыгнул, сильно качнув лодку, и, описав в воздухе коричневую дугу, почти без плеска ушел под воду. Я последовал его примеру.

Зеленоватая, пронизанная желтыми лучами вода окружила меня. Впереди уходил в темнеющую глубину стремительный силуэт Витальки. Я стал догонять его мощными гребками. Он обернулся, пустил пару пузырей, которые, распластавшись блинчиками, лавируя, поплыли к поверхности. Прибавил скорость. Я – следом. Сильно сдавило уши, вода становилась все прохладней и чище. Виталька достиг дна, поплыл над желтовато-коричневыми валунами и полянами песка. Я, наконец, догнал его, и мы оказались плечо к плечу. Легкие начали побаливать. Я показал большим пальцем вверх. Виталька кивнул, извернулся и легкой рыбкой скользнул к голубому переливающемуся своду. Я с силой оттолкнулся от дна и, как торпеда, рассекая упругую воду, устремился к поверхности.

Мы еще долго купались: ныряли с лодки и просто так, то стремительно проносясь над дном, то зависая в безмолвии и медленно всплывая к поверхности, и, только вконец умаявшись, выбрались на лодку и улеглись, впитывая покрытой мурашками кожей солнечное тепло. Какое-то время я ощу-

щал зябкую внутреннюю дрожь, но вскоре горячие волны заглушили ее, и я поплыл, покачиваясь в ярко-красном свете, струящемся сквозь веки, закружился в водовороте, погружаясь на второй этаж сна.

Или не сна?

Сон не может быть таким ярким. Ярче реальности. И вдруг я с удивлением вспомнил, что видел подобные сны. В них было море, катание на высоких ласковых волнах, Виталька, Мастера. И Полеты. Эти сны время от времени приходили ко мне и дарили теплое ощущение беззаботности и радости, светлой грусти и ожидания чуда, такое же яркое, как в книгах Крапивина, в музыке Жаре, в фильмах Марка Захарова. И все-таки другое – неповторимо личное, свое. Они сразу забывались, оставляя в памяти только щемяще-радостное настроение, которое надолго оставалось со мной, поддерживая в бытовой круговерти. Но сейчас я вспомнил их, каждую деталь, каждый оттенок и звук. И понял, что это – не сны. Что это действительно было со мной. Что я и раньше попадал сюда. В сказочный мир, где машины уступили место магии, а армия и полиция – Хранительницам, где наш мир – ставшая болью история, все еще не до конца залеченная рана. И где у меня есть друзья и нераскрытые тайны...

...Мне на живот плеснулась холодная вода.

Я подскочил, ошарашенно глядя перед собой ошоловев-

шими глазами. На меня смотрел, злорадно ухмыляясь во всю рожу, Виталька.

Я с притворной (а отчасти нет) яростью накинулся на него, и мы оба, чуть не перевернув лодку, плюхнулись в воду. Она обожгла с непривычки холодом, вытравила из головы навеянную жарой сонную одурь, взбодрила.

Мы немного поныряли, окончательно приходя в себя, и выбрались на яхту.

– Поплыли в Клуб, пока снова не раскисли! – предложил Виталька.

– Давай, – отозвался я.

Мы поставили парус и, оседлав плотный ровный бриз, почти по прямой пересекли залив и подошли к Южному мысу. Провели наше суденышко в створ маленького мола и пришвартовались у полупустого пирса. Жару сменила предвечерняя прохлада. Упругий ветер гнал к берегу маленькие пушистые облачка и взлохмачивал воду мелкой острой рябью.

Виталька запрокинул голову и радостно воскликнул:

– Олег, смотри – наш знак!

Я увидел, как облака над головой складываются в ровный четкий ромб.

– Это хорошо! – обрадовался я.

– Да, – Виталик посмотрел на меня серьезно и прямо. – Пришел твой час. Я тебе завидую.

Он положил мне руку на плечо.

За его спиной вышли из дверей Клуба и стали полукругом

Мастера. Мастер Ветра и Облачный Мастер стояли поодаль, раскинув руки и подняв лица вверх, к своему творению.

– Твой выбор, Олег, – серьезно и торжественно произнес Мастер Парусов – Виталька.

Я улыбнулся:

Ты ведь его знаешь. Волны и Небо.

Виталий сделал два шага назад и встал в общий строй. Сказал звучно и веско:

– Да будет так! – и добавил потише. – Лети.

Я ощутил в груди радостное замирание, так знакомое мне по Тем снам, повернулся направо. Сделал шаг, другой, на-пряг какие-то неведомые струнки и почувствовал, что Это произошло! Мои ноги уже не касались асфальта.

С ощутимым, но не физическим усилием, я отрывал себя от земли на полметра, на метр. Повис, глядя сверху на звонко смеющихся друзей. Плавно опустился.

– Вот и все, Олежка, – радостно улыбаясь, подошел ко мне Виталька. – Теперь это с тобой навсегда. Ты – Мастер Волн и Неба. И как только сможешь прорваться в параллельные пространства, которые вы называете снами – эти силы будут твоими. Да и многое другое. И еще одно. Ты нам нужен. Мы встретились не зря, и нам предстоит еще многое сделать. Но сначала ты должен найти себя и близких тебе людей. Мы помогли тебе, чем смогли – но дальше твой путь. Вот и все. До свиданья, друг! Возвращайся к нам, когда будет тяжело или радостно.

Он последний раз крепко пожал мне руку.

И я очнулся в своей постели.

Я проснулся поздно. Часов в девять.

За окном было пасмурно, моросил монотонный январский дождь.

И от этой монотонности, от контраста с тем, что было во сне, резанула неожиданно сильная тоска.

Нет, и не было в нашем мире ни Витальки, ни Клуба, ни полетов.

Только море.

Оно и сейчас где-то там, в километре от дома, катит свои холодные серые волны, свинцово лоснясь под дождем.

Тоска.

Днем погода прояснилась, холодный северный антициклон отогнал низкие тучи.

Я, промаявшись весь день дома, решил выбраться погулять. Хотя немного развеять грусть, так и не отпустившую меня.

Резкий норд-ост пронизывал синтепоновую куртку, неприятно морозил спину. Небо окончательно очистилось.

Вечернее Солнце низко висело над горизонтом, подсвечивая осколки туч тускло-желтым светом. Я взглянул в зенит.

ПРЯМО НАД ГОЛОВОЙ ОБЛАКА СЛОЖИЛИСЬ В ЧЕТКИЙ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИ ПРАВИЛЬ-

НЬИ РОМБ.

Сейчас

День пройдет – и снова будет день.

Круг за кругом, по спирали, возвращает меня жизнь.

Это не топтание на месте.

Это путь.

Путь вверх.

Днем я пробирался извилистыми тропинками жизни.

А по ночам видел сны.

И это тоже был Путь

В него звали Волны и Небо. Манила свобода и музыка дальних дорог. И я отправлялся на поиск волшебного мира. Где жили друзья и раскинулся сказочный Город.

И были проблески чистых и ярких, как вспышка сверхновой, эмоций, упругим толчком возвращавшие в нашу реальность.

И были прогулки по Городу. Радость открытия и узнавания ране не виданных мест.

Но не было жизни во сне.

Я начал читать Кастанеду, листать Мульдона, открыл четкие и предельно простые истины Лабержа. Спорил с Антоном и пытался работать с Сергеем и Володией.

Без результата.

Пришло отчаянье и пустота апатии. Она срослась с пу-

стотой моей судьбы. Реальность и сон стали серы и неинтересны.

И в этот момент я прорвался.

Не туда, куда стремился. Не туда, куда хотел. Но Путь не выбирают. Он сам выбирает тебя...

Свет и тень

Год назад вне этого мира.

...Я тащу кабель. Впереди Андрюшкина спина, согнутая в позе бурлака на Волге. Толстая черная змея тяжело давит на плечо...

*...Громовой раскат. Дождь, несущийся к нам матово-по-
блескивающей стеной...*

*...Яркий лунный свет и расплывчатое пятно лица:
– Третьим будешь?...*

*...Серая асфальтовая дорога под свинцовыми тучами.
Звук шагов за спиной.*

Не оборачиваться!

Да к черту! Это ведь только сон.

*Взгляд за плечо. Пусто. Даже дороги нет. Голая бетон-
ная стена, покрытая влагой и островками плесени. И вокруг
тоже стены. Сырые стены подвала.*

*Я подхожу ближе, всматриваюсь в шероховатую поверх-
ность, протягиваю к ней руку.*

ВЗРЫВ ЧУВСТВ

*РУКА РЕАЛЬНА. И стена реальна. Я вижу каждый бу-
горок на крошащемся бетоне, каждую каплю воды, ощущаю
холодную сырость. Чувствую запах влажной штукатурки.*

Я ВО СНЕ!

Ти-ихо. Стоять! Не смей, я тебе приказываю.

С почти физическим напряжением скручиваю рвущийся из груди восторг. Нельзя его выпускать, а то выкинет из сна, как всегда выкидывало раньше.

Я подношу к глазам руку. Разглядываю переплетение линий на ладони, волнистый рисунок кожи.

Помогло.

Лаберж оказался прав – прекрасное средство, если использовать его не по Кастанеде, а как фиксатор.

Угмонились эмоции. Пришло спокойствие. Тихое и радостное, как от вида на горное озеро.

– Ну, вот я и здесь, Олег.

Я свободен и могу делать все, что захочу, а не бездумно нестись в потоке сна.

Снова прорвались чувства. И стены затуманились, пробежала по ним волна ряби.

Я бью кулаком по становящейся эфемерной поверхности. Резкая боль. Настоящая. Подвал вновь обретает четкость.

Хо-ро-шо.

Слева движение. Оборачиваюсь.

– Черт!

Зверь метра полтора высотой. Похожий на покрытую клокастой шерстью курицу, лишенную крыльев, но снабженную длинной крокодильей пастью.

Он недовольно мотает головой и дерганой, раскачивающейся походкой направляется ко мне.

– Так, значит, – страха нет. Только злость.

Я криво ухмыляюсь:

– В конце концов, сон это или не сон?!

Кисти рук теплые. Горячая волна поднимается по предплечьям, обволакивает руки невидимыми тяжелыми перчатками. Плавно поднимаю руки над головой. Пальцы ощутимо покалывает.

Зверь уже в пяти шагах. Но торопиться нельзя. Шаг назад, и руки, описав полукруг, нацеливаются вперед. Поток мощи от плеч к пальцам, и дальше – к голове животного. Бледное свечение между нами. Зверь подергивается рябью, становится полупрозрачным. Исчезает.

«Вот и все».

Сон обретает окончательную резкость. Теперь я здесь. Я могу прожить кусочек жизни в этом мире. Разгадать его тайны. Увидеть его изнутри, глазами местного жителя. Может, даже повезет забыть о том, кто я такой. Я не буду похож на себя, прежнего, как автор не бывает похож на героя своей книги.

Вперед!

Глава 1. Провал

Огромный зал городского молельного дома переполнен народом. Главный проповедник, облаченный в зеленую сутану, заканчивает вечернее богослужение:

– А также, братья, призываю вас не вдаваться во искушение, сторониться пособников нечистого, рядящихся в личину чародеев и колдунов, да падет гнев Божий на их головы. Ибо близок день великого суда над безбожниками и приспешниками антихриста, оскверняющими мир сей сатанинскими деяниями своими. Не впадайте же во соблазн и сторонитесь нечистых сих, а также мест, оскверненных ими. Обходите стороной Прокопьевский пустырь, ибо сотворено на нем Зло, и проклято место то. И да будет им за это наказание Божье, а нам всем, за кротость нашу и смирение вечна-а-а-я бла-аго-одать.

Он склонился в поясном поклоне перед Ликом, затем простер руки над молящейся толпой и закончил:

– Идите же, братья мои, с миром, и несите свет Господень во все дороги свои. А служители Божии взойдите ко мне, дабы передал я вам волю Отца нашего.

Он медленно повернулся и скрылся в золотых воротах, с которых взидало на паству строгое лицо Вишну-хранителя.

Толпа начала выливаться на улицу, а десятка три человек поднялись гуськом по ступеням и последовали за священни-

КОМ.

– Братья, – Главный проповедник сидел в глубоком кресле во главе длинного стола. – Я позвал вас, чтобы еще раз повторить то, что сказал остальным прихожанам. Не допускайте, чтобы подопечные ваши ходили на Прокопьевский пустырь. Всех, кто бывает там, проработайте на собраниях общин ваших. Это место осквернено врагами нашими и Господа. Там творятся мерзости и злодеяния Исконного Врага. Не место там ни вам, ни вашим подопечным. Но я, как проводник воли Всевышнего, должен знать все козни служителей Аримана и потому один из вас **пойдет** туда. Старший Теолог мо- локозавода!

Виктор вздрогнул и нервно сжал руки в замок.

– Да-да. Мне открыто, что водите вы знакомство с одним из Врагов веры, и о других ваших прегрешениях мне известно тоже. Поэтому и поручается вам, во искупление грехов, для обуздания гордыни и пресечения своемыслия проследить за местом сим, узнать о Зле, сотворенном там, и доложить Господу нашему и мне лично обо всем, что разведаете.

– А мне опять приснился вещий сон, – Юра задумчиво постукивал пальцами по черному полированному столику.

– Расскажи, – Лена накрыла его руку своей узкой ладошкой.

Юра вскинул глаза и чуть улыбнулся, взглянув сквозь по-

лумрак кафе на свою спутницу. Крутанул на уровне глаз лимонно-желтую полоску энергии и переслал ее в бледные пальцы, поглаживающие его кисть. Лена чуть вздрогнула, но ничего не сказала, только продолжала выжидательно на него смотреть.

– Помнишь, я тебе рассказывал, что мне уже два раза снилось одно и то же место? – Юрий немного помолчал, прикрыв глаза. – Прошлой ночью я был там опять. Это на Прокопьевском пустыре. Я иду по нему в сторону развалин, и вдруг передо мной вспыхивает радужный сполох. Он сгущается в фигуру огромного демона. Здоровенного, фиолетового цвета, с длинными когтями и глазами навывкате. Я стою. Он тоже. Я кручу на всякий случай астральный хлыст, окружил себя золотой сферой и жду. Демон принялся, оскалил зубы и рычит: «Проваливай, Маг, вас мы не тронем, хватит других людишек. Ха – ха – ха!». А мне как сверхзнание открылось. Я понял, что пропускать его нельзя. Что я единственный, кто может его остановить. А иначе все погибнут.

– И ты на него напал? – Лена подалась вперед.

– Я пошел на него. И провалился в другой сон.

– Да? – с некоторым сожалением сказала Лена. – И что же тебе снилось потом?

– Так, путаница, – отмахнулся Юра. – Какие-то странные машины вроде железных птиц, электрические кабели, дорога, подвал... Еще какие-то твари. В общем, обычный пустой

сон. А вот Пустырь – это неспроста.

– А давай туда ходим, а?

– Ну, если ты не боишься... – Юра усмехнулся с некоторым превосходством.

– С тобой не боюсь.

Яркое весеннее солнышко пригревало землю. Пчелы надсадно жужжали в белых и розовых ароматных шапках алычовых деревьев.

Юра легко спрыгнул с подножки кеба, подхватил тоненькую Лену и мягко поставил ее на мостовую. Нежно ее обнял.

Повозка тронулась вперед и под цокот копыт скрылась за углом.

Впереди, за низкими палисадниками и огородными участками расстилался Прокопьевский пустырь – несколько гектаров сорняков и колючего кустарника с руинами старого языческого святилища посередине. Именно из-за этих развалин горожане не застроили пустырь. Какой же прихожанин ослушается Проповедника? А маги побаивались осквернить это место жильем, да и шутить со старинными заклинаниями особой охоты ни у кого не возникало.

Юра, взяв Лену за руку, неторопливо направился к пустырю.

– Привет, Юра. Здравствуй, Лена.

Возле железной калитки, небрежно облокотясь на столб, стоял Виктор.

– Здравствуй, – улыбнулась Лена.

Юрий молча подошел, поздоровался, чуть задержав рукопожатие и, глядя в глаза, спросил:

– И сколько дней ты нас здесь поджидаешь?

Виктор дернул щекой. Отвел глаза:

– Поговорить надо.

– Говори.

– Пойдем к развалинам, – Виктор круто развернулся и быстрым шагом пошел по пустырю. Юра демонстративно пожал плечами, и снова взяв Лену за руку, не торопясь, направился следом.

– Это ваших рук дело?! – Виктор показывал на простенок между двумя обломанными колоннами. В солнечном свете, лоснясь, переливался сгусток сумерек, изредка посверкивая радужными огоньками.

Юрий тихонько присвистнул. Выпустил Ленину руку и на напружиненных ногах стал обходить аномалию. Правая кисть протянулась вперед, и пальцы стали плести замысловатый узор. Туманное пятно отозвалось на него серией ярких вспышек, завибрировало, наращивая частоту. Юра сделал два быстрых шага назад, с шумом вздохнул. Крест-накрест взмахнул руками, отсекая чужие энергии. Повернул к друзьям покрытое бисеринками пота лицо:

– Ничего себе! Нет, это не мы. По крайней мере, я не знаю никого из наших, способного на такое.

Виктор скептически хмыкнул. Чуть заметно поморщился

и отвернулся, когда Лена подошла к Юре, стала промокать платком его лоб.

– Пойдем отсюда, а, Юр?

Юрий, прищурившись, взглянул на поблескивающую огоньками тень, нехотя кивнул:

– Да, мне надо подготовиться. Эту штуковину я так не оставляю. Это провал. Дыра в чужой мир. И я очень хочу с ней разобраться.

– Я помогу тебе, – решительно заявил Виктор.

Юра насмешливо на него покосился:

– Что, Витя, спецзадание?

– Да причем здесь это?! – с прорвавшейся горечью откликнулся тот. – Ну и задание тоже! Да! Но я сам хочу понять, что это такое! Откуда здесь эта гадость?! Если не вы, маги, то кто ее сделал? Или что?! Ты же меня не первый год знаешь! Я и без задания был бы здесь... и с вами...

– Ладно, не злись. Пошли ко мне. Обсудим. Хотя нет, у меня есть замечательная мысль! Лен, пошли к Косте. Он давно зазывает. Посидим, поговорим. На нейтральной территории.

Чайник подпрыгивал на печке и шипел. Костя сосредоточенно колдовал с заваркой, доливая кипяток через строго отмеряемые по песочным часам промежутки времени, подсыпая разные душистые травы. Юра с Леной сидели, откинувшись на диванчике, а Витя, сжавшись на табуретке, почесывал подбородок.

Молчание становилось тягостным, этого не замечал один только хозяин, тихо мурлыкающий себе под нос популярную мелодию. Наконец песок в часах ссыпался. Костя с довольным видом долил до краев огромный заварочный чайник и, помешав в нем какой-то особой веточкой, поставил на стол, аккуратно накрыв подбитым ватой колпаком.

– Вот, пять минут и чай сготовится! – довольно сообщил он.

– Это хорошо. А то мы у тебя все печенье потрескаем, – откликнулся Юра, выуживая особо поджаристый кусочек.

– Ешь, ешь, я много напек.

Виктор тоже потянулся за печенькой, громко ею захрустел. Исподлобья взглянул на Юру:

– Ну и что ты намерен делать?

Тот криво улыбнулся, выразительно пожал плечами.

– Будем разбираться.

– С чем, или, вернее, с кем? – резко спросил Витя.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Юрий.

– Все равно это ваши.

– И откуда, интересно, такая уверенность?

– А кто же еще?

– Я не знаю, кто или, как ты выразился, что, но это не маги.

Витя поморщился и демонстративно отвернулся.

– Ты, наверное, плохо себе представляешь наше сообщество, – неторопливо начал Юрий. – Мы очень четко держимся своих зон влияния. Этот район – мой. Ни один маг нашего

города не стал бы сюда лезть. Я здесь сильнейший.

– А из другого города? – подал реплику Костя.

– Я знаю почерк всех настоящих мастеров. И вообще, Провал – невообразимо мощное и чужеродное образование. Такое человеку не под силу. Каким бы магом он ни был.

– Зато под силу тому, что стоит за человеком, – буркнул Витя.

– Ох. Как мне надоели эти твои игры в Бога и Дьявола.

– Это не мои игры.

– Ладно, пусть не твои. Вот ведь нравится людям делить разноцветный мир на черное и белое. Причем белое – это то, что им в данный момент полезно, а черное – наоборот. А потом придумываются для этого громкие имена – и вперед.

Виктор вскинул голову, но промолчал, наткнувшись на умоляющий взгляд Лены.

– Ребята, не надо.

– Да, правда, давайте лучше чаю попьем, поболтаем, – поддержал ее Костя, разливая по чашкам ароматный напиток. – Ну их, эту магию и религию. Вон сколько на свете интересного и приятного...

– Ага. Например, Провал, – съязвил Юра.

– Ну и Провал тоже... – улыбка Кости была такой обезоруживающе доброй.

Лена встретила с ним глазами и тоже тихонько улыбнулась. Хорошо ей было, уютно.

Но она аккуратно взяла чашечку, обвела взглядом ребят

и осторожно предположила:

– А может это Служба?

Юра хмыкнул.

– Юр, – мягко обратилась к нему Лена, – даже если один слух из ста – правда, даже если один очевидец из тысячи не врет – это уже сотни свидетельств.

Юра пожал плечами.

– Нет, Служба Безопасности, конечно, существует, – глядя в чашку, тихо, но жестко сказал Витя. – Но не под силу ей такое сделать. И у нее другие цели и задачи.

– А что ты о них знаешь? – парировала Лена. – Ты слышал о механическом отделе?

– Туфта все это, – скептически проговорил Юрий. – Что могут механизмы?

– А ты представь ЛЕТАЮЩУЮ машину. Или прибор, который видит и слышит за версту.

– Это и мы умеем. И летать, и видеть.

– А мы можем молиться, и Бог дарует нам все без вашей магии! – бросился в бой Виктор.

Юрий презрительно усмехнулся.

– Вы можете, и они могут, – примирительно сказала Лена. – Но и машины способны на многое. К тому же Служба наверняка занимается и более реальными вещами. Они вполне могли, использовав магов или Веру, сделать этот проход.

– Не знаю, не знаю... – Юра явно не хотел сдаваться.

– Ну, ребята, в конце концов! – взмолился Костя. – Вы чай пить будете или нет?!

Домой они разошлись поздним вечером, порядком нагружившись вкусной Костиной стряпней и ароматным чаем, наболтавшись об общих знакомых и навспоминавшись всяких интересных случаев.

Юра с Витей проводили Лену до ее домика. Попрощались. Лена нежно прильнула к Юре, чуть виновато улыбнулась Вите. Тот с клоунской чопорностью пожал ей руку.

Лена быстро прошла в дом. Закрыла дверь. Не зажигая керосинки, взяла с полки пачку сигарет. Ломая спички, закурила. Уселась за стол, подперев лоб свободной рукой. Сигарета дрожала в пальцах, роняя в сумрак невесомый пепел.

«Я совсем запуталась. Совсем! Мамочка! Что же я делаю?»

Быстрая жадная затяжка. Тыльной стороной ладони – сброшенная слезинка.

«Что мне делать? Я сука, последняя дрянь! И никому, никому-у, нельзя сказать! Даже Косте. Он хороший. Он лучше их обоих. Он мой единственный, настоящий друг. Он все понимает и наверняка знает о наших отношениях. И с Юрой, и с Витей. Но ведь главное я не могу сказать и ему! Это станет концом нашей дружбы. Концом всего. И это произойдет. Я чувствую, что это приближается».

Сигарета догорела и обожгла пальцы.

«Рано или поздно за все приходится платить. У всего своя цена. Но моя – слишком велика. Если это откроется, то мне лучше умереть. Я ведь все равно стану трупом. Умру внутри. Вот так вот, Леночка. Какая же я все-таки скотина!»

Вечер выдался теплый, почти совсем летний. Небо отсвечивало тусклой зеленью, и на нем просыпались первые звезды. Улицы медленно погружались в темноту, лишь местами освещаемую голубоватыми газовыми фонарями, желтыми электрическими лампами и ярко-оранжевыми магическими шарами.

Юра с Витей шли неторопливо, сохраняя спокойное необременительное молчание. Каждый думал о своем.

Уже показался впереди Витин дом, когда Юрий неожиданно сказал:

– Я вот думаю, а не слазить ли тебе в Провал.

– Почему это мне? – встрепнулся Витя.

– Сам посуди. Для этого дела нужен умный внимательный и осмотрительный человек, который сумеет разобраться, почувствовать и вовремя остановиться. Ты подходишь по всем параметрам. Да и способности у тебя – что надо. Если бы не твои страхи – мог бы стать хорошим магом.

– Страхи здесь ни при чем, – холодно отозвался Витя. – А ты, Юра, почему не хочешь лезть? От избытка смелости?

– Нет. Просто кому-то надо быть снаружи и в случае необходимости вытащить тебя за уши.

– Я не слабее тебя, – уши у Вити отчего-то заметно покраснели.

– Дело не в физической силе, – вздохнул Юра. – Дело в Мастерстве. Я единственный из нас, кто в этом разбирается.

– Но я не единственный, кто может туда пройти.

– Ты имеешь в виду Лену? – Юрий нехорошо сощурился.

– Нет-нет. При чем тут она... – торопливо отнекался Витя.

– Тогда ты, наверное, имеешь в виду других магов. А я туда ни-ко-го не пушу. Да никто и не согласится. Это табу. Наша этика. Или ты думаешь, что можно послать туда Костю? И что он там поймет? В чем разберется? Костик хороший человек, классно готовит еду, но уровень у него, извини, не тот.

Витя молчал минуты две. Стоял, прислонившись к калитке и уставившись в одну точку. Только желваки бродили по щекам. Потом вскинул голову, облизал губы:

– Когда идем?

Глава 2. Исследователи

Яркий день. Зеленая трава и кипы деревьев на краю пу-стыря. Редкие пушистые облачка в вышине.

Лена сидела в траве, поджав под себя ноги, и, чуть щурясь от Солнца, смотрела на стоящих поодаль ребят.

Высокий стройный Юрий, в своем темно-сером комбине-зоне с вышитыми золотом и серебром знаками, был гибок и красив, как дикая кошка. Черные волосы вороньим кры-лом перечеркивали лоб, быстрые и плавные движения рук уверенно чертили в воздухе чуть светящиеся иероглифы.

Витя стоял в двух шагах от него. Как всегда нахохлившись и сжавшись. Но глаза, опять же, как всегда, его выдавали. Чудесные глаза, в которых мечутся непокорный ищущий дух и глубоко спрятанная от самого себя страстность. Они так влекли к себе Лену, так будоражили ее.

Лена давно прекратила попытки вызвать Виктора на от-кровенность, раскрыть его. Зачем? Может Витя и будет луч-шим любовником, чем Юра, но их отношения сразу поте-ряют ореол романтики и острый привкус несбывшейся воз-можности. Нет, не станет она ловить журавля, тем более, ко-гда в руках такая чудесная синица. С Юрой удивительно лег-ко, весело, интересно. Он сильный и смелый. А что до его излишней самоуверенности, так это даже хорошо. Его легче контролировать.

«Ладно, хватит, — Лена привычно оборвала поток мыслей. — Копаться в себе и переживать ты будешь потом. А сейчас смотри и запоминай».

И она смотрела, холодно и отстраненно, фиксируя каждую мелочь, каждый жест и слово, произносимое там, у Провала.

Юрий остался сзади. Он внутренне подобрался, неотрывно, цепко следя за идущим к Провалу Виктором.

Ощущение связующей нити. Упругий толчок повелительно ткнул Витю в спину. Шаг. Второй, третий. Спровоцированное извне движение, погрузившее Виктора в Ничто. Или Нечто?

Каскад.

Каскад огней и света. Дикий безумный хоровод неопределенных очертаний и резких линий, пролетевший мгновенным вихрем, оставившим после себя гулкий вакуум.

Отдаленный блеклый отсвет. Нарастающий, властно охватывающий и насквозь просвечивающий одновременно.

Холодная промозглая сырость. Монотонный звон капли. Придыхание шепчущих отзвуков, многократным эхом бьющих в тугие невидимые стены. Тени, уплотняющиеся в полуреальные предметы непривычных форм.

Виктор поднял прозрачную руку, потянулся к ближайшему из них. Тот резко выдвинулся из вязкого тумана, приобрел реальную вещественность. Рука, преодолев легкое сопротивление, погрузилась в холодную инородность.

Ощущение собственной нереальности пронзило Виктора, на мгновение парализовав непонятным страхом. Он здесь не существовал. Он мог быть чем угодно: ветром, дымом, зыбью, но не существом. От осознания этого мысли пришли в расстройство, сумбурно замельтешив, забегали, наталкиваясь, перекрывая одна другую.

Но извне пришла теплая мягкая волна, утомонила разбушевавшийся рассудок. Юрий усиленно пытался вернуть Виктора в равновесие, посылая ему силу спокойствия.

Жужжание. Рой женских голосов, попеременно нарастающий и стихающий, постепенно усиливающий давление, переходящий в настырный гул, с каким-то неестественным упорством прогибающий стенки сознания, пытающийся проникнуть внутрь. Поток прорвался, захлестнул Виктора волной бредовых образов, обнаженных тел, сплетенных в неимоверно страстных позах, развратных, вызывающих стыд, отвращение и болезненное влечение, выворачивающих наизнанку душу и изматывающих тело.

Виктор закричал, но не услышал своего крика. Вернулся страх. Обрушился на него, увлекая в бездонную пропасть, в хаос животного ужаса. Обезумев, Виктор рванулся прочь, в панике цепляясь за спасительный канал связи с Юрой.

Перед глазами сужающийся хобот тоннеля, по которому он несется, вытягиваемый напарником. Скорей! Быстрей, пока не сомкнулись двери, замыкая его в этом адском рае...

Горловина. Проскок в Свой мир.

Разбалансированное, покачивающееся тело. Осторожная, неуверенная поступь. Нескоординированные движения.

Юрий жестко схватил его за плечи, сильно встряхнул, приводя в чувства.

Два бледных, в испарине, лица, две пары глаз, объединенных общим знанием. Одно – исполненное ужасом, другое – лихорадочным восторгом первого проблеска понимания. Не сговариваясь, товарищи, поддерживая друг друга, шаткой походкой побрели к бегущей навстречу Лене.

Витя сидел на табуретке, напряженно жевал пряник.

– И что дальше? – не скрывая интереса, спрашивал Костя.

– Да ничего, – нехотя отозвался Витя. – Я ушел.

– А Юра с Леной что, остались там?

– Ага...

– Эхе-хех.

– Ну что мне с ними делать?! – Витя вскинул голову. – Ничего не понимают! Я им твержу-твержу, а без толку. Ну, Юра – понятно, он давно уже всякой ерундой занимается, а Лена?.. Зачем ей туда лезть? Ну, как они не поймут?! Это же грех. Ад это. И туда, к Ариману... Юрка еще о какой-то силе говорит. А Сила эта – Дьявол. Сила, знание, зачем они – если Ад? Здесь молиться надо, каяться, исповедоваться. Да и то не поможет. А они...

Костя только сокрушенно вздыхал и качал головой. Он

давно уже стал невольным слушателем взаимных сетований своих старых друзей. Те все дальше и дальше расходились в противоположных направлениях, переставали понимать друг друга и отводили душу в гостях у Кости.

– Ну, повлияй ты на них, – с горечью продолжал Витя. – Ведь ты-то меня понимаешь, хоть и не воцерковленный. Ох, ну почему вы так этого боитесь, почему не придете к Вишну? А, Костя?

Тот развел руками и ответил, как бы извиняясь:

– Я не могу так. Это ведь не честно. Идти в церковь надо, если действительно веришь, а если в душе сомнения – то Бог только обидится. И я не знаю... Если Бог есть, то Он совсем другой, не такой, каким представляет его церковь. Он не может быть злопамятным и жестоким. Основа его – любовь, а не ненависть. А в церкви... Я слишком часто сталкивался с проявлениями зла.

Наступило неловкое молчание. Лишь минуту спустя Костя осмелился его нарушить:

– Витя, а что дальше? Что вы решили делать с Провалом?

– Ничего не решили, – сумрачно отозвался тот. – Я ушел. И больше туда не пойду. Нет уж... ищите другого дурака.

– А Юра?

– Да что я с ним сделаю?! Вбил себе в голову: «Сила, Знание, Новые Миры». Какая, к Ариману, сила?! Оттуда бежать надо без оглядки. А он еще и Лену уговаривает туда идти. О-ох! Ну, дураки они! Дураки!!!

Он замолчал, сжав голову в ладонях и скорчившись на табуретке. В сумрачной тишине звяканье поставленной Костей на стол чашки разнеслось как колокольный звон.

Они еще долго так сидели. Витя – скорчившись, и Костя – сочувственно притихнув. Потом Витя встряхнулся, потер лицо ладонями и резко встал:

– Пойду я. На вечерню опоздаю, – и направился к двери.

Костя проводил его до порога, но там Витя замешкался, смотря куда-то в сторону, тихо проговорил:

– Знаешь, Костя, у меня в последнее время такая заморочка... Кажется, что все кругом – только сон. А настоящий Виктор валяется где-то в постели и переворачивается с боку на бок. В каком-то другом мире, где полно механизмов и нет ни Церкви, ни Магов. Странно, да?

И он, не прощаясь, вышел на улицу.

Костя вернулся на кухню, стал быстро и ловко убирать со стола, наводить в доме привычный идеальный порядок.

На душе было тошно.

«До чего же людям нравится создавать себе проблемы. И при этом они тщательно прячут истинные причины, закапывают их под ворохом слов, делают вид, что беда совсем в другом. И начинают войну с тенью. Вернее с Тенью самого себя. Обзывают то, потаенное, злом и, не щадя живота своего, ведут жесточайшие бои с неотъемлемой частью собственной личности. И ведь ничем им не поможешь! Говорить в лоб – только обидятся и причислят тебя к кров-

ным врагам. Пытаешься косвенно подтолкнуть – не помогает. Они слишком ослеплены борьбой».

Блюдечко выпало из рук и с жалобным звоном разбилось. Костя присел на диван, уставился в пространство.

«Жалко их. Ох, как жалко! Витю, который пытается убежать от самого себя и своих чувств. Не понимающего, что любовь не может быть греховна, что уродливой и некрасивой делает ее именно подавление чувств. Юру, который играет в Силу. Купается в собственной свободе и независимости, мощи и известности и не замечает тех, кто с ним рядом. Вернее замечает только тогда, когда они ему полезны. А это вывернется изнанкой. Нельзя постоянно только брать... И жалко Лену. Бедная ты моя. Как же тебя угораздило так вляпаться? Ты думаешь, что я не знаю о твоей беде? Нет, не о той, игрушечной, в которую впутали тебя Юра с Витей. О настоящей. Как же ты можешь так жить? Я бы не смог. И что ты будешь делать, когда они узнают? И ведь ни помочь тебе, ни взять часть твоей ноши. Это ведь только вспугнет тебя, порвет ту ниточку, которая нас связывает. Которую мы оба называем дружбой, даже не разобравшись в том, что это такое. А как тогда я буду жить? Я ведь не могу без тебя. Мне плевать, с кем ты, и что ты к кому чувствуешь. Лишь бы тебе было хорошо, и ты была рядом. Ведь любовь, это когда другой человек для тебя важнее самого себя. Тебе сейчас нужен друг. Гораздо больше, чем любимый – с ними-то у нас все в порядке. Ни ты Юрку с Витей, ни я Анжелу ни на кого

не променяем. Хотя не пойму я, при чем здесь обмен? Почему любовь должна быть одной-единственной, и какие ограничения может наложить на это штампик в паспорте и обряд венчания? Если Бог – это Любовь?! Ну, ладно, я буду другом, если ты хочешь этого. Или, по крайней мере, попытаюсь оставаться только им. Но разве это тебя спасет, когда откроется скрываемое? Разве смогу я защитить тебя от самой себя? И что же мне с вами всеми делать?!»

Бездонные карие глаза. Золотистые лучики вокруг черных омутов зрачков. Только они. Остальные черты такого знакомого и милого лица отошли на второй план, растворились. Остались только глаза, внимательно и чуть настороженно глядящие на него, в него. Они сопротивляются напору, не впускают внутрь, как никогда не впускали, даже в самые интимные мгновения их встреч. Как бы тонкая ледяная пластинка прикрывает их и защищает от напора Юриного взгляда.

Но тихие слова и плавные жесты уже сделали свое дело. Пластинка тает, сменяясь легкой туманной поволокой, которая уже не защищает, а ослабляет Лену. Та еще может вырваться. Махнуть головой, смежить веки, оттолкнуть Юрия. И все останется по-прежнему. Но что-то не дает ей этого сделать, и Юра тщетно пытается понять – что? Это не любопытство. Вернее, не только любопытство. Какая-то скрытая, но несокрушимая сила таится там, в таких, казалось бы, зна-

комых глазах.

А пелена поволоки растворяется и теперь уже между их глазами, между душами нет ничего. Они срослись в одно целое...

ЮРИЙ ОТШАТНУЛСЯ.

В последний момент, когда возник полный контакт, он вдруг ясно понял, что перед ним совсем другой человек. Что Лена, которую он знал, всего лишь грань, а может и просто маска этой новой, незнакомой женщины, стоящей перед ним. По его спине прошел холодок, а в мозгу пронеслась тоскливая мысль: «Что я наделал!»

А женщина стояла перед ним, и Юра чувствовал, как она холодно и беспристрастно оценивает его. Еще мгновение – и он увидел самого себя. Увидел ее глазами, ощутил ее чувствами, в которых привязанность и дружба были лишь частью, и не самой главной.

Он чуть не закричал от боли. Нет, то, что было между ними, даже с натяжкой нельзя было назвать любовью... Но все равно...

Неимоверным усилием воли Юрий подавил нахлынувшие чувства. Давно не применяемой мантрой погасил горечь утраты. Осталась только пустота там, где раньше, возле сердца, пульсировала любовь.

«Да, за все надо платить... Только стоит ли Сила любви?» – пронеслась в его голове чья-то мысль. Его? Ее?... Какая разница...

А Лена тяжело вздохнула и тихо произнесла:

– Я пошла.

Он ничего не ответил.

Круто развернувшись и чуть не потеряв при этом равновесие, женщина взмахнула рукой и нетвердой походкой направилась к переливающемуся впереди Провалу.

Юрий как бы разделился на трех человек. Один, скорчившись от одиночества и боли, тихо выл. Второй, предвкушая новые знания и новые Силы, потирал руки. А третий... был Леной. Он видел ее глазами, слышал ее ушами, чувствовал ее душой, или тем, что было у той вместо нее.

Хмурый растерянный Юра оставался все дальше и дальше позади, но Лена чувствовала, что энергетическая нить, связывающая их, все так же крепка. Хотя...

«Нельзя было соглашаться. Он расстроен и плохо контролирует ситуацию. Я могу вмазаться черт знает во что, – и вдруг волна отчаяния смысла холодные мысли. – Как же я без него?! Ду-ура!!! Ну, зачем, зачем?!...»

Но секунду спустя тренированная воля скрутила эмоции в тугой, чуть барахтающийся и постанывающий комок. К серой пелене Провала Лена подошла как всегда собранным капитан-командором Службы Безопасности. От той, забившейся в уголок несчастной женщины – только подсыхающие полоски слезинок на щеках.

Рука коснулась прохладной туманной поверхности и без

сопротивления проникла внутрь. Провал отозвался серией радужных переливов и россыпью тусклых огоньков.

Лена глубоко вздохнула и сделала шаг...

Мир заколыхался, теряя знакомые очертания... И обрел четкость.

Перед Леной был узкий обшарпанный коридор без дверей, с редко висящими тусклыми лампочками.

Лена обернулась. Сзади серела влажными камнями стена, а по окружности метра полтора в диаметре – тускло светился голубой ободок. Лена попробовала коснуться стены, но рука провалилась вглубь.

«Вот и обратный выход» – спокойно подумала она и двинулась вперед по коридору. Тот, круто повернул, изменился. Теперь он – и пол, и потолок, и стены – был из светящегося упругого вещества, а по обе стороны на равных расстояниях виднелись прямоугольники закрытых дверей с наборами кнопок возле них.

Это было чем-то похоже на лабораторный корпус подземного технического центра в Сенеже.

Лена прошла мимо дверей, даже не пытаясь их отпереть. И вдруг увидела приоткрытую. Осторожно нажала на нее, сделала шаг в темноту...

И очутилась на берегу моря.

Ласково перешептывались волны, яркое Солнце положило теплые ладошки на голые плечи.

Лена заулыбалась, подставляя ему лицо.

– Здравствуй, – тихий баритон заставил ее круто обернуться, взметнув волну зазолотившихся под Солнцем волос.

Незнакомый, вернее, смутно полужнакомый мужчина стоял рядом. Он был высокого роста, безупречного сложения, с волевым, серьезным и добрым лицом положительного киногероя.

– Я ждал тебя, Лена, очень долго ждал, – он коснулся ее локтя сильными и нежными пальцами. – Пойдем, я заказал ужин.

Мгновенный вихрь – и они сидят на скалистой террасе, а легкий столик между ними уставлен цветами, винами и лакомствами. Его рука нежно покрывает ее ладошку.

«Дальше!»

Тропические сумерки. Яркая луна и цвыркание цикад. Мягкие губы страстно блуждают по ее лицу, шее, груди. Сильные руки притискивают ее к чужому разгоряченному телу. Прерывистое дыхание и срывающийся шепот:

– Лена, Леночка, пожалуйста, будь моей.

«Дальше!!»

Неразбериха, переплетение тел. И яростный нежный огонь, рвущийся из глубины вместе со стоном и чистым экстазом полета.

«Дальше!!!»

Она стоит, прижавшись к стене в сырой и вонючей подворотне. А он, невысокий и гибкий, звеня шпагой, дерется с тремя гнусного вида мразями. Нет, уже с двумя...

«Дальше!!!!»

Таинственный грот – и они на лодке, с зажженными факелами, взявшись за руки. Отблески огня высвечивают сталактиты и сталагмиты, россыпи драгоценных кристаллов и непонятные письмена, отражаются в темной воде и его восхищенных и ласковых глазах.

«Дальше!!!!!»

Она бежит рука об руку с длинным очкастым парнем по упругому покрытию плавно загибающегося вверх коридора. Они подбегают к большому окну. За ним россыпи звезд и огненный цветок восходящего солнца, расцветивший немислимыми переливами красок огромное полушарие вищей под ними планеты. Они радостно смеются, и парень, поспешно сняв очки, нежно ее целует.

«Дальше!!!!!!»

...Рывок. Как за волосы. За душу.

Тошнотворное ощущение протаскивания себя сквозь себя. Безжалостно яркое солнце и твердый камень, впившийся углом между лопаток.

Лена застонала, с трудом поднимаясь на локтях.

Пустырь. Развалины. Туманная завеса прохода. Ссутулившийся, уходящий прочь Юрий. И на все это – наползающая пелена прорвавшихся потоком слез. Немой крик разбитой вдребезги души:

«За что меня так?!!»

Глава 3. Служба

Три дня подряд Юра приходил на пустырь. Он появлялся здесь утром и одиноким призраком скитался по покрытой ухабами и кочками территории, иногда присаживаясь в траву и подолгу глядя на переливающуюся радужными сполохами поверхность Провала. Потом, уже ближе к вечеру, он, ссутулившись, уходил прочь, так и не решившись подойти к поблескивающей границе и сделать шаг за нее.

На четвертый день все повторилось в том же порядке. Бесчисленные круги вокруг развалин, усталость и равнодушие в конце дня. Бросив последний сумрачный взгляд через плечо, Юра побрел домой узким, заросшим травой переулком, завернул за угол, вышел на широкую мощеную улицу, ведущую к центру города.

– Юрий Сергеевич, подождите, – раздался сзади спокойный голос.

Юра обернулся. В десяти шагах от него, чуть опершись рукой о стену дома, стоял неприметный человек в сером костюме мелкого служащего.

– Я хотел бы с вами поговорить.

– Интересно, о чем? – настороженно отозвался Юра.

– Об этом, – человек в костюме махнул рукой в сторону пустыря.

– Почему со мной?

– Ну, вы в самом деле... С кем же еще?
– Извините, а кто вы, собственно, такой?
– А вы не поняли?
– Понял. А все-таки?
– Ну, скажем, Посредник. Представитель одной организации.

Юра сощурился, резко спросил:

– Это – ваших рук дело?
– В какой-то степени... – чуть растерявшись, начал Посредник. – Но это между нами, ладно?
– Вы действительно такой простака, или притворяетесь?
– Притворяюсь, – честно сказал Посредник.
– А вы психолог, – улыбнулся Юра и чуть расслабился. – Даже раскалываетесь вовремя...
– Работа такая, Юрий Сергеевич.
– Тогда еще вопрос. Лена – ваш человек?
– Да.
– Тогда почему пришли вы, а не она. Я ведь, вроде как, в ее ведении?
– Мы решили, что у меня больше шансов вступить с вами в контакт.

Юра секунду подумал. Кивнул.

– Ну, так что, Юрий Сергеевич, побеседуем?
– Если угодно, – сухо ответил тот.
– Тогда прошу за мной.

Они прошли полквартиры и сели в темно-коричневый кэб

с наглухо задернутыми шторами оконцами.

– Здравствуй, Витя.

Лена улыбалась, но глаза при этом оставались какими-то уж очень серьезными. Или грустными?

– Привет! – Витя явно обрадовался, но тут же засмутился. – Не видно тебя давно...

Она подошла так близко, что Витя почувствовал терпкий запах ее волос.

Он отвел от нее взгляд и стал внимательно рассматривать ветку сирени, выбившуюся из-за забора.

– Как ты? – все так же приветливо продолжала Лена.

– Да, ничего. Работа, дом, церковь... А ты?

– По-разному, – теперь в голосе ее явная печаль. И с какой-то лихорадочной надеждой: – ты не торопишься?

– Вообще-то... тороплюсь.

Витя сделал резкое движение, словно собираясь уйти, но Лена остановила его прикосновением к плечу:

– погоди! Я должна тебе сказать... Ты... Я...

Она беспомощно улыбнулась и, подняв руку, нежно провела ладонью по его щеке, чуть взъерошила волосы на затылке, потянулась к нему всем телом.

Витя отпрянул. Воззрился на нее обиженно и с явной опаской. Ленина рука как-то жалобно повисла в воздухе, лицо стало как у ребенка, которого ударили без вины. Она всхлипнула, прижала ладони к щекам и, круто развернув-

шись, кинулась прочь.

Витя нахмурился. Сжав кулак, ударил по штакетной доске забора. Низко опустил голову и пошел своей дорогой, мысленно проклиная себя, Лену, весь этот мерзкий и отвратительный мир...

Их было пятеро.

В одинаковой камуфляжке, с навешенными со всех сторон приборами, амуницией и оружием. Примерно одинакового роста, с одинаково стриженными «под ежик» головами. С удивительно похожими лицами, вернее их выражением: смесью застывшей готовности выполнять любые приказы и высокомерным пренебрежением ко всем гражданским.

– Капитан Скворцов, сержанты Серебряков, Демичев, Красноярров, ефрейтор Зинчук, – коротко отрекомендовал Посредник и, указав на Юру. – Юрий Сергеевич Шилов. НАШ специалист.

Те по очереди кивнули.

– Ясно, но вы говорили, кажется, о Научной группе?

Посредник подхватил Юру под локоть и увел в направлении двух фургонов, возле которых разворачивалось какое-то сложное оборудование, сновали сумрачные серьезные люди в серых спецовках и расхаживали несколько важных, ученого вида, мужчин.

– А вот и наша наука. Группа профессора... м-м... скажем, Иванова. Они, разумеется, в проход не пойдут, будут

вести дистанционное наблюдение. Надеюсь, вы не против, что мы отправляем на это опасное дело только хорошо подготовленных и добровольно вызвавшихся профессионалов?

– Нет, нисколько.

– Тогда перейдем к делу. Нам надо обговорить план мероприятия.

Юра смотрел, как уходят в туман неизвестности пять силуэтов.

Идут прямо к Провалу, чуть согнувшись под тяжестью аппаратуры. Водят из стороны в сторону стволами винтовок.

Юрий поднял вверх скрещенные руки и, описав ими плавный круг, сконцентрировался на идущих солдатах, проникая внутрь их сознания. Он ощутил тяжесть рюкзаков, холодную сталь оружия, настороженность и страх перед неизвестным. И в то же время остался собой, одиноко стоящим высоким черноволосым парнем, управляющим, манипулирующим силовыми потоками, раскрывающим, раздвигающим ворота в другой мир.

А они (он) уже входили в разверзшуюся серую щель.

Сумрак.

Смутные расплывчатые тени.

– Не расходиться, кучнее! Зинчук, прикрывай тыл.

Позади светлое пятно выхода, с как бы дымящимися краями. Очертания родного мира с каждым шагом все зыбче, туманней.

– Стоять! Серебряков, Зинчук – на караул. Демичев, Краснояров – развернуть оборудование.

«И без тебя знаем. Мог бы так громко не орать. Жуть-то какая!»

Двое присели на корточки, скинув с плеч приборы, и стали лихорадочно их подключать. Трое других, сжимая в руках оружие, озирались по сторонам.

Зародившийся где-то на грани видимого вихорек медленно, но неотвратимо стал расширяться, приближаться к пятерке. Скрипящие и чавкающие звуки, тихое подвывание.

– Капитан, танки! – Демичев указывал рукой на три боевые машины, ползущие на них.

– Какие, к черту, танки! Нет там ничего!

– Да есть же! Вон они, накатываются! А-а!!!

Демичев рванулся прочь, но ноги ватно вязли в тумане. Юрий почувствовал, как в спину сержанту уткнулось холодное железо и его подмяло под гусеницы.

– Без паники! Демичев, ты где? Какие, к черту, танки, я вас спрашиваю!? Куда девался этот болван!?

А вихрь уже кружил вокруг них. Неодолимая сила приподняла разведчиков вверх и стала растаскивать в противоположные стороны.

– Включить рации! Держать связь!

– Господин капитан!!! – истерический вопль Серебрякова. – Это дракон! Он меня проглатывает!!!

Скрежет зубов по автомату. Адская боль в перекушенном

животе.

– Ты, придурок чертов, вытаскивай нас!!!

Юрий напряг силы, пытаясь ухватить их силовым полем и выдернуть, но солдаты ускользали, и он, теряя контроль, мог только наблюдать, ощущать их...

Бесконечный эскалатор, движущийся вниз, в темноту. Демичев видит над входом распятое, истекающее кровью тело капитана Скворцова. Когда Демичев проезжает под ним, капитан поднимает голову и говорит:

– Я же говорил, что там танки...

Краснояров дерется с Зинчуком за голову Скворцова. Удар – и штык-нож пронзает ефрейтора насквозь. «Голова теперь моя!»...

Хрустальный город над облаками. Демичев сидит в серебряном кресле и смотрит на водящих хоровод полуобнаженных девушек. Одна из них подходит к нему и садится на колени, нежно обнимает и льнет к его груди...

Погоня. Серебряков бешено вращает баранку автомобиля и жмет на газ. Свист пуль и звон вспарываемого ими стекла. Враги нагоняют. Машина с сидящими в ней Скворцовым и Красноярровым бьет его автомобиль в задний бампер...

От удара Красноярров ударяется грудью о панель и режет правый локоть о край выбитого стекла.

– Не уйдешь, гад! – он вновь поднимает дуло скорострелки и пули вминаются в спину Зинчука. Тело дергается, валится набок, а машина, потеряв управление, подлетает на бугре и, перевернувшись, врезается в бетонную стену. Жаркое облако взрыва хлещет по преследователям...

– ...И все-таки, где этот чертов камень?

Скворцов роется в груди каких-то манускриптов и реторт. Под мощным дубовым столом – распростертое тело черно-книжника с торчащим в груди серебряным кинжалом...

Джунгли, наполненные криками неведомых хищников. Черная зловонная трясина. Лиана хлещет идущего впереди Зинчука по ногам и, два раза обернувшись вокруг них, резко дергается в сторону. Тот орет, стреляя куда попало. Остальные, остолбенев, замерли на месте. Громкий чавкающий звук и полная тишина...

Юрий чувствовал, что его мозг переполняется все нарастающей волной безумия и ужаса.

– Я не могу-у!!!

Он схватился за голову и, упав на землю, стал по ней кататься.

Но их надо вытащить.

«Может, по одному?»

Серебряков идет по скалистому гребню. Глубоко внизу зеленеет лесистая долина. А по ее краям – громады гор. За спиной увесистый рюкзак, наполовину заполненный пластиковой взрывчаткой. Где-то впереди, в километрах пути ИХ гидростанция, нависшая над городом и разбросанными возле него поселками и фермами. ОНИ ничего плохого ему не сделали, но приказ – это приказ. И он его выполнит, даже если погибнет.

– погоди!

Резкий бросок в сторону. Упал за камень. Пистолет-пулемет на приближающегося. Ужасно знакомое лицо. Ах да, это тот, что забросил их сюда! Ах ты, гад! А за его спиной, как мираж, вырисовывается на фоне неба знакомый пустырь, ребята из спецроты, штатские сволочи. Серебряков поднимается, отбрасывает прочь оружие и идет к ним. Но черная трещина зазмеилась в нескольких метрах впереди, мгновенно расколов горный кряж и Серебряков вместе с пластом грунта сначала медленно, а затем все быстрее, падает вниз, в пропасть.

Навсегда.

Ночной переулок. Резкий свет газового фонаря. Впереди торопливо цокает каблуками девушка в светлой блузке и короткой вельветовой юбочке. Демичев облизывает пересохшие губы, плотоядно глядя на ее стройные ножки. Резко кидается вдогонку. Девушка оборачивается, рассыпая по пле-

чам русые шелковистые волосы. Страх на красивом лице, поднятые к груди тонкие руки. Секунда – и он налетает на нее, валит на землю, подминая, тиская, разрывая одежды. Полный боли и страха истошный крик, и бьющееся под ним юное тело. Вдруг оно ускользает, растворяется, и все вокруг погружается в круговорот смутных образов. Лицо того типа – Юрия, vyplывает из мглы, его протянутая рука вытягивает Демичева, но новые волны тумана скрывают его и он пропадает.

Навсегда.

Зинчук стоит, прижавшись спиной к холодной переборке. В его руках бластер. Где-то там, в коридорах галактического лайнера – чужие. Гигантские твари: не то насекомые, не то ящеры с лоснящейся кожей и огромной пастью. Полминуты назад замолчал последний из остававшихся в живых – помощник штурмана Серебряков, и в наушниках теперь мертвенная тишина. Тяжелые шаги слева, на полу гигантская тень. Она приближается. Зинчук, ничего не соображая, бьет в ту сторону лучом лазера. На пол валятся раскаленные добела ошметки переборки, растекается лужей расплавленный металл. Но оно идет, хоть бы хны, даже не вздрогнет. Вдруг силуэт чудовища меняется и перед сержантом – тот яицеголовый, Юрий, что ли? Он протягивает к нему руки, зовет. И в это мгновение волна взрыва отбрасывает Зинчука назад, и видение скрывается за сполохами огня.

Навсегда.

Тигр бросился неожиданно. Краснояров не успел среагировать, только ткнул куда-то вперед штык-ножом. Тяжелая когтистая лапа ударила его по плечу, выбивая это несерьезное оружие и сбивая с ног. Нависшая сверху клыкастая пасть, когти, рвущие одежду и тело.

Волна дрожания – и все погружается в туман, из него раздается голос:

– Держись же!

И тонкая, скользкая, похожая на змею веревка – в руки. Его тянут куда-то вверх, к свету, он уже видит очертания домов, столпившихся товарищей, прилипших к приборам ученых. И в этот момент веревка превращается в настоящую змею, которая рвется в его руках, и он падает назад, в кошмар.

Навсегда.

Выжженный солнцем кишлак. Пустые улицы. Только метрах в тридцати – два трупа в чалмах. Слева, возле стены развороченной снарядами сакли присели его ребята. Минутная передышка сменяется новой яростной атакой. Со стороны близких гор из зеленки выскакивают душманы. Паля из винтовок. И падая, один за другим, под огнем его бойцов. Свист пуль над головой. Крик за спиной. Косой взгляд влево. Это Зинчук. Он обеими руками схватился за разворо-

ченную грудь и валится навзничь. Щека вновь прижата к горячей скорострелке. Врагов слишком много. Они гибнут десятками, но все равно бегут вперед. Бородатые мужики и совсем еще пацаны, с тонкими полосками усов над верхней губой. Сильный удар в плечо – и Скворцов удивленно смотрит на торчащую из разорванной камуфляжки обломанную кость. Чьи-то руки подхватывают его, оттаскивают в сторону. «Демичев?» Нет, тот штатский, что засунул их в эту проклятую дыру. Но его лицо скрывает туман, и нахлынувшая боль отключает сознание.

Навсегда.

Глава 4. Маски и лица

Серое облако Провала медленно пульсировало и с каждым толчком вырастало на несколько миллиметров, сантиметров, метров. Оно подмяло под себя развалины храма и медленно, но неотвратно расплзлось по пустырю.

А перед ним неслась лавина ужаса, заставляя ученых и техников бросать свои приборы и, сломя голову, бежать, бежать, бежать.

Чуть дольше задержались военные. Но ни приказы, ни угрозы отдать под трибунал, ни выстрелы вверх не смогли остановить разбегающихся солдат и офицеров.

Следом за ними ретировались ребята из Службы, которые честно пытались обуздать взбунтовавшиеся приборы, удерживать гражданских специалистов или хотя бы связаться с начальством. Но, когда очередная волна искажений как языком слизнула двух человек, превратив их в монстров из ночных кошмаров, не выдержали и они.

Остался только один.

Да, тот самый Посредник.

Он стоял перед разбуженной не без его участия стихией и судорожно сжимал в кармане пиджака потеплевшую и покрытую потом рукоять пистолета.

И вдруг боковым зрением засек какое-то шевеление.

Резко обернулся.

Юра двигался медленно, словно преодолевая несущийся навстречу ураганный ветер. А рядом с ним шел хмурый худой парень. «Виктор» – вспомнил Посредник. Вот они остановились. Юрий чуть присел, разведя в стороны напряженные руки, исподлобья, прищурившись, вперил в «ничто» тяжелый взгляд.

Волна мути почти остановилась на пути к Юрию, но продолжила обтекать его с флангов.

И вдруг замерла.

Превратилась в гладкий, радужно лоснящийся купол, напоминающий по форме надкушенное яблоко.

Юра опустил руки и недоуменно оглянулся.

В десятке метров от них стоял человек.

Он стоял неподвижно, широко расставив ноги и выставив вперед выпрямленные руки, с быстро сплетающимися в мимолетных жестах пальцами.

– Костя?! – выдохнул Юрий.

Тот сжал кулаки и резко опустил руки. Пошел к приятелям, напряженно покусывая губы. Остановился в паре шагов от них:

– Не могу. Оно не хочет убираться, хотя должно.

– Кто ты? – одними губами прошептал Юра.

– Тот, кто в этом виноват. По крайней мере, я был в этом до последнего момента убежден, – и, встретив недоуменный взгляд товарищей, тихо продолжил. – Это мой мир. Мое сновидение.

– И мы тоже тебе снимся? – с недоверчивой усмешкой спросил Витя.

– Все гораздо сложнее... И вы, и ваша Вселенная – реальные. Я просто приблизил ее для себя. Вошел к вам, как вы входили в Провал.

– Так это – мир снов? – Юра махнул рукой в сторону радужной стены.

– Скорее кошмара. Вот только интересно, чьего... Свой бы я уничтожил. Похоже, не один я такой в вашем мире. Вот так вот.

Он подошел вплотную к ребятам и, сощурившись, стал разглядывать серовато-дымчатую, испещренную разноцветными искорками, поверхность купола.

За спиной громкий стук каблучков.

Юрий обернулся. Закаменел лицом. Снова отвернулся к Провалу.

– Привет, Лена, – нарочито грубовато поздоровался Витя.

– Здравствуйте, мальчики, – грустно улыбаясь, поздоровалась она. – Здравствуй, Юра...

Тот не ответил.

– Здравствуй, – глаза в глаза со мной.

– Ты уходишь? – тихо спросил я.

– Да, – она чуть вздрогнула. – А ты знаешь?

– Конечно.

– Вы о чем? Куда уходил? – Витя недоуменно и насто-
рожено встрепенулся.

Но были только глаза. Мои и ее. Надежда и боль.

– Ты уверена?

– Да, Костя.

– Олег, Лена. Меня зовут Олег.

– А меня Света.

– Странно привыкать к своим именам.

– Да... Олег.

– Вы о чем, а? – жалобно встрял Витя.

– погоди, пожалуйста, – отозвался я и, взмахом руки со-
орудив перед ним прозрачную стену, повернулся к Свете:

– Ты действительно уверена?

– Уверена.

– Да, ты права. Этот мир не твой.

– Может, Там будет лучше?

– Может...

Она сделала шаг назад к провалу:

– Прощайте.

И глаза в глаза со мной:

– Прощай.

– погоди, – я шагнул к ней, ставшей внезапно такой
осязаемой, вещественной, желанной... с трудом проглотил
подкативший к горлу комок. – Мы так и останемся... дру-
зьями?

– Да... Олежек, – тихо произнесла Света. – Иначе я

не смогу уйти...

— Ты права...

— Я буду искать тебя Там.

— А я тебя... Света.

И она ушла. Быстрым легким шагом. И лишь у самой кромки Провала приостановилась. Обернулась и слабо махнула нам всем рукой. И отдельно мне. Глаза в глаза.

«Пора просыпаться.

Я прожил жизнь длиною в ночь. Я прошел по миру, и он стал моим. Я встретил здесь тех, о ком не забуду до смерти. И ту, которую буду искать, и найду.

Мне осталось лишь одно сделать маленькое дело. Убрать отсюда след чужого зла. Это не трудно. Ведь мне уже ведома суть.

Это Тень. Мир теней.

Он заставляет пришедшего столкнуться с тем, что подавляется, с чем борется сознание его. Но не у всех тень темная. Она — никакая, а иногда даже светлая, если свет, отбрасывающий ее — черный.

И еще я знаю автора. Того, кто разделил себя на ночь и день и ведет жестокую войну с половиной себя, то есть просто с самим собой. Я знаком с этим человеком в моей реальности, я встретил здесь его двойника. И мне очень горько оттого, что я не могу им помочь.

Разве что...»

*Я резко повернулся к ребятам. Громко и четко приказал:
– Антон, проснись! Тебе пора домой.*

Виктор вздрогнул, выпрямился, окинул окружающее удивленным взглядом. Встретился со мной глазами и медленно кивнул. Секунду спустя его уже не было. Только тусклое мерцание воздуха рядом с Юрой.

И зеленая трава – там, где был купол Провала.

И я шел по ней к одинокому ссутулившемуся Юрию.

– Никто не виноват, – тихо сказал я, взяв его за плечи и глядя в глаза.

– И все-таки плачу я.

– Все получили то, что должны были получить. И заплатили за это.

– Только стоит ли цена покупки? – невесело усмехнулся он.

– Стоит. Мы стали другими. И нам всем выпал шанс разобраться, кем мы должны быть.

– Ты прав. Я это уже понимаю.

– Я вижу и рад. Теперь у меня с этим миром действительно все. Прощай.

– Прощай, – как эхо отозвался он.

И мир погас.

Пероекресток

Реальность и сны

Настоящее

Сны пройдут, и снова будет день

Сны – это только сны

Жизнь – это только жизнь.

Школа пути, или путь школы?

Какая мне разница

Я иду.

Я не буду рассказывать все по порядку. Это неинтересно. Придет время, и придут слова.

Ярываюсь в реальность. Мир снов разбивается в пыль. В свистящее облако хрустальных осколков.

И сквозь них. И не пораняюсь ими

В ярчайший огонь Настоящего.

В ЖИЗНЬ!!!

Раз, два, три, четыре, пять – Я иду тебя искать Если ты не спряталась, Я не виноват

Мы идем по ночному городу. И моя рука обнимает твои плечи. А твои волосы шелковисто касаются моей щеки, когда я наклоняюсь к тебе, чтобы сказать на ушко очередное «Люблю»...

Еще раньше

Ты сидишь рядом. Рассказываешь о своих проблемах. Потом ты ненадолго замолкаешь, прокручивая в голове невеселые мысли.

Я собираюсь с силами. Так тяжело сказать три слова. Слова, повторенные мысленно тысячи раз.

Я смотрю на часы. Без пятнадцати двенадцать. «Вот подожду еще минуту... Хотя, какая разница...»

– А вот как поступить, если в обоих случаях выходит очень некрасиво? – тихо спрашиваю я.

– Как? – так же тихо отзываешься ты, и, повернувшись, внимательно, с еще неясной тревогой смотришь в глаза.

– Наташа, я хочу тебе сказать... Ты, наверное, обидишься...

– Не обижусь...

– Я люблю тебя...

Как тихо и слабо звучит мой голос, а ты чуть отводишь взгляд и еще тише:

– Я это чувствовала... Я никому не могла сказать того... что говорила тебе... Бедный мой Олежка, как я тебя нагрузила... – и тихонько трогаешь мое предплечье. И я знаю как тепла и ласкова твоя ладонь.

– Ничего, все нормально, – я отворачиваюсь и говорю теперь в пространство перед собой, как всегда во время наших разговоров. – Это твоя жизнь. Я понимаю... Я твой друг... для тебя это нужнее, чем любовник... Просто... я хотел, чтобы ты знала – есть человек, который тебя любит... Такую, какая ты есть... И который ничего не просит и не ждет взамен...

– Спасибо, Олежек, – тихо и тепло отзываешься ты и опять трогаешь меня за руку.

– Это тебе спасибо... За то, что ты есть.

– Может, лучше бы не было, – с прорвавшейся горечью.

– Ты ошибаешься, Ната... Ты ошибаешься.

Еще раньше

Сон.

Я иду по Городу. Ботинки громко стучат по асфальту. Синеватый вечерний сумрак подсвечен желтизной окон.

Я иду быстро. Где-то там, у моря – ты. Я не знаю, кто ты, как выглядишь, где и когда мы друг друга найдем. Но ты ждешь. И я уже бегу к тебе.

На пути колючие кусты – я продираюсь сквозь них.

Передо мной вырастают угрюмые пьяные урки – я расшвыриваю их.

Закрывает дорогу высокая бетонная стена – я пробиваю ее своим телом.

И выбегаю к темно-синему морю, что плещется под догорающим костром заката. А впереди на самом краю пирса стоит далекая точеная фигурка. Ты. И накрывает меня волна тепла, спокойного и тихого. Я пришел...

До всего этого

Так я шел к тебе. Всю жизнь

Сквозь темноту и боль. Сквозь вспышки света и восторга, который обжигал меня и гас не найдя ответа, не возвращаясь отражением в твоих глазах.

Я шел.

От излома к излому. Через скучную среднюю школу и полу-зону, полу-дурдом стройбата. Через астрономию и радость общения в клубе любителей фантастики.

А потом все отмерло, и плохое и хорошее. Осталась работа электронщика, спеца по охранным системам. Да жизнь в суррогатных мирах – книгах, видеошниках, компьютере,

снах. Жизнь, глубоко запрятанная от чужих. Потому что я давным-давно усвоил, что открывать свою душу – простейший способ получить поддых. И выходя из дома, я надевал маску. Одну из десятка хорошо сработанных и тщательно подогнанных личин. Я не подозревал, что лишь полгода осталось до ураганного шквала, который сорвет все лишнее, обнажит скелет моей сущности, нарастит на нем новые мышцы и кожу.

Не думал, что буду стоять перед Врагом, и не останется в душе ни страха, ни сомнений, одна звенящая, как эхо струн решимость. И мой тяжелый меч станет удобен и послушен, как продолжение руки, а с голубого лезвия будут срываться радужные искры. И вражеские пули будут искать мое тело, но испаряться сероватым облачком, не долетев. А за моей спиной будешь ты, и оттого не будет отступленья, и даже мысль об этом не коснется моего сознания черным крылом.

Не думал...

Работа

(Шесть месяцев назад, в реальности)

Мне повезло с работой. И с сослуживцами. После крысиной грызни и подсиживания в юридической конторе, после лицемерия и пресмыкания перед начальством в «Промышленном отделе» Управления, «Отдел контроля» оказался сущим раем. Приборы, которые никогда не сподличают, и обслуживающие их умные хорошие ребята стоят более низкой зарплаты и «грязной» работы отверткой да паяльником.

Сравнительно повезло даже с начальником – что само по себе чудо.

Пришлось, правда, соорудить новую маску, но скорее по привычке, чем от необходимости. Я вспомнил матерный язык, так хорошо освоенный в армии, притворился, что мне интересно копание в блоках охранной сигнализации и прочей электронной дребедени, изобразил из себя крутого компьютерного хакера, хотя еле-еле тянул на «чайника». И, конечно же, не выпускал наружу и намека на свои истинные умения и знания.

Но та часть моей личности, которой дозволено было выбраться на поверхность, искренне радовалась жизни.

Главное, что ребята подобрались хорошие.

Компьютероман Андрюшка, с которым мы сразу нашли общий язык. Он, пока не купил собственный второй пень, до утра просиживал у меня в гостях за моей К-5, играя в «Цивилизацию» и «Дюка». А на работе мы понимали друг друга с полупапеки, прикалывались над одним нам понятными шутками и пахали так, что неисправные системы ожидали из мертвых.

Вместе с нами обычно работал Роман. Большой и спокойный. Ловкий и умелый. Молчаливый и улыбочивый. От него исходила аура надежности и покровительства. Он никогда не подшучивал над другими и всегда был рад помочь. С ним было спокойно, как на прогулке с сенбернаром.

Еще был Вадим. Он производил странное впечатление. Мне нравилась его прямота и умение отстоять свои, а иногда и чужие интересы. Его деловая сметка и предприимчивость. Но коробил цинизм и грубоватые шутки.

Были и другие ребята. Флегматичный Армен, прикольный Генка, деловитый и чуть высокомерный Виктор Сергеевич, надежный, но резковатый Серега. И, конечно же, наш шеф – Андрей Витальевич, инженер старой закваски, для которого работа превыше всего, а все, что ей мешает, требует искоренения и пресечения. Его можно было всегда попросить о помощи, но если он заставлял кого-нибудь за бездельем – следовал полнейший разгон, с громкими криками и лишением премий.

Мы жили дружно и весело, помогая друг другу в нужде

и вместе отмечая праздники. Так было и в тот день 17 октября прошлого года, когда Вадим справлял свое тридцатидвухлетие.

А в ночь перед этим мне впервые приснился Сарагон.

Сарагон

19 звездня 3173 года

Мне поздно становиться рыцарем. И моя начинающая лысеть голова – только намек на это. Причина не в том.

Причина – во мне. Одно дело – смотреть на доблестного сэра Горнера или Светлого рыцаря Беркана в сверкающих доспехах с тяжелыми красивыми мечами в инкрустированных ножнах. И совсем другое дело представить себя на их месте в гуще сражения или дальнем походе, вдали от моих любимых манускриптов, хранящих память и мудрость минувших эпох, вдали от моей уютной кельи, где горит камин и пахнет чернилами и пергаментом.

У каждого своя судьба. Одному махать мечом, другому – гусиным пером. И кто знает, что важнее для будущих дней? Ведь если не я, разве узнают потомки о Великом Северном походе, Предсказании Сиринаского Оракула, Волшебном Камне Судьбы? О доблести и предательстве. Коварстве и дружбе. Любви и смерти.

Теперь это все воплотилось в ровную вязь иероглифов на тонко выделанной коже. Воплотилось минуту назад. Еще не просохла тушь на желтоватом листе. А у рыцарей и ратников еще не зарубцевались шрамы.

Я смотрю на ровные строчки, перечитываю их:

«...Когда тяжелая кавалерия сэра Горнера смяла копейщиков Арниппы и, обратив их в бегство, захватила поселение Хагар, что на краю Сиринской труппы, из глубины ее раздался громкий клекот и на опушку вышел одетый в рубище косматый старец с золотой диадемой на растрепанных седых волосах...»

«...И не будет покоя в Южном Княжестве, покуда не отыщет Камень Судьбы своего Господина! – так сказал Сиринский Оракул и повернулся, уходя обратно в лес. Но светлый рыцарь Беркан окликнул его и смиренно просил открыть, как можно вызволить камень из заточения, и кто может стать его владельцем. И ответил ему Оракул: „Камень сей скрыт в сокровищнице Черного рыцаря Ротмара, а обрести власть над ним может лишь чистый сердцем рыцарь без страха и упрека“. И ушел Оракул в чащу, не сказав больше ни слова...»

Да, написанное мной уже стало историей. Она только началась и одному Богу известно, чем кончится, но то, что было – запечатлено.

И кто же из нас важнее для будущих поколений? Тот, кто творит деяния, или тот, кто их доносит до грядущего?

День рождения

17 октября 1997 года. Реальность

Я многого не помню. Не помню, что было утром, за исключением легкой грусти, как отголоска сказочного сна. Не помню, что я делал на работе. Не помню цвет салфеток в той кафешке, где праздновали день рождения Вадима.

Я запомнил только тебя.

Мягкий овал лица с чуть заостренным «кошачьим» подбородком. Волну золотисто-каштановых волос, касающихся кончиками плеч. Плавные взмахи бровей. Крупные и четкие, но вместе с тем мягкие и нежные черты. И серые глаза. Внимательные и добрые, сильные и веселые. Я случайно встретился с ними – и остался в них навсегда.

Ты улыбнулась мне. Не знаю, почему. Может, почувствовала тоненькую еще нить, которая уже успела нас связать. А может просто так, каким-то своим мыслям.

Меня накрыла теплая волна. И стало все равно, что будет дальше, как обойдется со мной жизнь, и чем все кончится...

Вот так вот.

А потом пришла боль.

Боль, оттого, что Вадька по-хозяйски обнимал тебя при всех. Боль оттого, что он привез тебя в своей машине, а вечером увез домой.

Не знаю, была ли то ревность. Наверно, нет. Скорей сожаление и обида. Будь вместо Вадьки кто-нибудь другой... Но с ним... Нет, не заслуживает он тебя.

Тем более после того разговора.

Ты пошла заказать кофе. Серега спросил:

– Эта Наташка – та самая твоя зазноба?

– Ага.

– И как она?

– Нифигово. Но тебе пробовать не советую. Морду начищу.

– Да ты прямо рабовладелец, – поддел его Генка.

– А вот это – мое дело. Ладно, пойду, клинья подобью на сегодняшний вечер.

Спустя полминуты он, приобняв тебя за плечи, что-то тихонько нашептывал на ушко.

И все восприняли это как должное. Серега, Генка, и Армен – с понимающими ухмылками. Рома – сделав вид, что ничего не произошло. Андрюшка встретился со мной удивленным взглядом, поджал губы и покачал головой.

А я... Я вежливо улыбался... И презирал себя за эту улыбку, за то предательство, с которого начал наше знакомство.

Сарагон

27 звездня

Вот и закончены сборы. Дружина отдохнула от битвы с войсками Арниппы. Залечены раны, наточено оружие. Рыцарские мечи сверкают голубоватым огнем свежих заклинаний, наложенных леди Мелисой и ее сестрами.

А смерды и пленные построили катапульты и сколотили три десятка длинных штурмовых лестниц.

И даже мой учитель – старый седой отец Дунвар достал издававший виды дорожный посох и каждую ночь, стоя на балконе главной башни, простирал его к звездам, наполняя заклинаниями ветра и дождя, радуги и Луны, призывая в помощь светлые и серые силы.

Пройдет еще два дня, и они уйдут. Уйдут на запад, к горам Вангора. За которыми, на берегу Западного Океана, высится темная громада цитадели черного рыцаря Ротмара.

И опустеет замок Лорены. И останутся в нем только женщины, старики и детишки. Да еще я.

Я, летописец Сквор, одиноко сидящий в своей келье и ждущий вестей, чтобы нанести на пергаментные листы вязь иероглифов.

Смешно. Закорючка, похожая на домик – означает «Победа», а другая, с чуть другим наклоном – «Поражение». И дру-

гие значки. Маленькие черные значки на желтоватом пергаменте: «Смерть», «Боль», «Горе», «Счастье»... Что общего у этих значков с настоящими болью и счастьем? С любовью и смертью?

Ни-че-го.

Что общего у того, чем я занимаюсь, с настоящей жизнью?

Ни-че-го.

Нет, с меня хватит. У меня не достанет смелости взять в руки меч, но поехать вместе со всеми я могу, а значит должен.

Так тому и быть.

Наташа

12 ноября

Вадим жил в новенькой девятиэтажке, выросшей в недавно отстроенном микрорайоне. У него была прилично обставленная двухкомнатная квартира на втором этаже. Я бывал там дважды и потому хорошо запомнил дорогу.

На этот раз я пришел к нему по заданию шефа. Тот вознамерился послать Вадьку в срочную командировку, вот и отправил меня сообщить ему эту приятную новость...

Черная железная дверь. Белая клавиша звонка. *Я не люблю ходить в гости, боюсь принести неудобство хозяевам.* Палец коснулся прохладного пластика. *Я боюсь людей, боюсь общения, мне кажется, что я говорю тонким противным голосом с отвратительной дикцией – это не так, но старый комплекс напрочь засел в мозгах.* За дверью проиграла мелодия турецкого марша. *Так противно чувствовать себя слабым и несбыточно мечтать о силе и славе.* Громыхание открываемого замка...

Ты.

– Здравствуй... Олег.

– Здравствуй... Наташа.

– Проходи. Извини, что я вот так...

А как ты? На тебе теплый розово-фиолетовый халат и домашние тапочки. Волосы мокрые от недавно принятой ванны.

– А Вадик? Он где?

– Вышел. Но он скоро придет, поставит машину и вернется.

– Тогда я подожду, если ты не против, – откуда у меня взялось столько отчаянной нахальной смелости, чтобы это сказать?

– Конечно. Я варю кофе. И пока ты его не выпьешь, все равно не отпущу.

Ты улыбнулась, и мы на мгновение встретились глазами. Радость, внимание и интерес. Ниточка...

Мы сидели на кухне. Говорили обо всем. Это было как полет, как игра в команде, как работа с идеальным напарником. Каждое твое слово моментально находило отклик, а мои мысли заставляли тебя удивленно улыбаться и обвинять меня в телепатии. Я ни о чем тебя не спрашивал. Ты тоже. Но через полчаса мы знали друг о друге больше, чем кто-то узнает за годы.

Потому что слова были ширмой. Ощущали мы гораздо глубже.

Я назвал Вадика хорошим, честным парнем. Но ты посмотрела на меня с такой иронией, что я стушевался и сказал, что, мол, у каждого есть недостатки.

И наоборот.

– Наташа, а вы с ним хорошие друзья?

– ...Да, – и поймав мой пристальный взгляд. – Ну, мы уже три года, как... знакомы. И потом – он дает мне работу. Возит товар, которым я торгую. Да и вообще, он настоящий мужик. Их так мало осталось в жизни...

– Да, конечно, – я опять уткнулся в чашку.

– У тебя красивое кольцо, – ты кивнула на мой деревянный перстенок.

Я торопливо снял его и передал тебе.

– Это одно из ранних, я сделал его года четыре назад.

– Какая прелесть, – ты осторожно взяла в руки темно-янтарное резное колечко с вкрапленным кусочком малахита и еще раз повторила: – Какая прелесть!

– Сейчас я делаю лучше. Была даже идея заняться ремеслом. У меня таких скопилось десятка три, если хочешь, принесу посмотреть.

– Обязательно принеси... если не трудно. А я могу попробовать выставить их на продажу.

– Давай, Наташа... А как мне тебя найти?

– Очень просто, Олежка, я торгую на галерее, мой лоток

напротив «Оптики». Приходи, когда тебе будет удобно...

Звонок в дверь.

Я коротко передал Вадику шефовы распоряжения, отказался от еще одной чашечки кофе и быстренько одевшись, направился к двери. Пожал Вадику руку, буркнул:

– Пока!

И тебе, стоящей позади него:

– Счастливо.

И мы улыбнулись друг другу.

Сарагон. Дозор

Визг.

Он рубанул по ушам. Сжал сердце ледяной ладонью.

Кони прынули назад. Заблестели под Солнцем мечи.

А из сумрака ближнего леса с клеткотом и улюлюканьем вылетели косматые комки нежити.

Клыкастые звериные морды, когтистые лапы, сжимающие широкие кривые тесаки, хлопанье коротких кожистых крыльев.

Волна ужаса и мерзостного отвращения.

Но сэр Горнер, не медля ни мгновения, пришпорил своего рослого вороного скакуна и, взмахнув над головой зеленовато поблескивающим «Змеерубом», пустился галопом навстречу врагу.

Его клич затерялся в адской какофонии, но это уже не имело значения. Рыцари, лишь секунду помедлив, чтобы взять управление над загарцевавшими конями, кинулись за своим предводителем.

Я остался один, пытаюсь усмирить свою серую кобылу, которая никак не могла решить – то ли убежать, то ли кинуться за своими сородичами.

Я понимал ее. Сам чувствовал то же смешение страха и желания быть с остальными. Ни то, ни другое не взяло верх, и я остался на месте, глядя, как две лавины несутся

друг на друга и сшибаются с лязгом железа, отвратительными хлюпающими ударами и воплями убиваемых.

Крылатые монстры были низкорослы, но тяжелы, и силы недоразвитых крыльев хватало лишь на прыжки-перелеты. Но инерция их кряжистых тел была велика, и те рыцари, которые не успевали увернуться, слетали с коней, или даже опрокидывались вместе с ними.

Но Конная гвардия не даром носит свой высокий титул. Воины умело отбивались щитами, пригибались, уворачивались и наносили своими длинными прямыми мечами скупые, но молниеносные и страшные в своей силе удары. Разрубали мерзких тварей на лету. Рыцари сгруппировались клином и, не сбавляя скорости, расчленили надвое толпу нападавших, разметали ее в стороны, сбили напор, обратили в бегство и хлынули потоком, догоняя и добивая уцелевших монстров.

Поле покрылось неподвижными и копошащимися косматыми телами, которые нещадно затаптывали боевые кони.

Бой прекратился внезапно. Так сильный встречный удар валит с ног напавшего разбойника, так молния из магического жезла отбрасывает назад нетопыря.

А я сидел на своей утомившейся кобыле и наблюдал за окончанием сражения.

И корил себя за то, что не поддался импульсивному желанию кинуться со всеми вместе.

Я, конечно, могу найти себе оправдания, и никто никогда

не подумает ставить мне это в упрек. Я ведь только летописец, чего с меня взять.

Всего лишь летописец.

Ремесленник

13 ноября – 20 декабря

Знаешь, Натанька, хорошо, что жизнь подарила мне тебя.

Мне бывает трудно с тобой. И бывает больно. Но я не при-
му анестезию. Ни за что на свете не отдам эту боль. Потому
что, лишившись ее, я останусь без счастья любви.

Мне хорошо. Меня накрыла теплая волна. Волна любви.

Виталька, вот они твои Волны и Небо. Взлет над самим
собой и прозрачно сверкающая водяная гора, что накрывает
и смывает с души все лишнее, все, что не нужно, что мешает
в Пути.

Я прожил не двадцать восемь лет. Полтора месяца.

Как изменился мир, и как меняюсь я.

Такой осторожный и уравновешенный. Такой мастер ла-
вировать в потоках жизни и находить нужные течения, пре-
зирающий тех, кто имеет глупость плыть против них. Такой
боязливый и нерешительный.

Где ты, Олег, образца 97 года?

Куда ты скрылся, куда ушел? И не вернешься ли назад?

Надеюсь – нет.

Я не хочу с тобой встречаться.

Никогда.

Но тогда, в декабре, я еще был им.

Я только начал нащупывать новые тропки.

Придя 16 ноября на толчок и стеснительно подав тебе коробочку с кольцами. Ты достала их и долго любовалась, примеряя на пальцы и тихонько улыбаясь. Вот только глаза твои были печальны, и красные прожилки выдавали недавние слезы. Ты делала вид, что все у тебя хорошо, и я ничего не спросил, убедив себя в том, что нельзя лезть в душу человеку, если он ее не хочет открывать. Дурак. Или трус. Моего ума и смелости хватило лишь на то, чтобы предложить:

– Выбирай, какое тебе больше нравится.

Ты вскинула на меня глаза, в которых за наигранной веселостью и затаенной печалью мелькнула искорка радости и теплоты. Так я получил первую положительную оценку в твоей школе...

Забегая к тебе чуть ли не каждый обеденный перерыв, чтобы, якобы, узнать, как продаются безделушки, а на самом деле посмотреть на тебя, услышать твой голос, улыбнуться тебе, случайно встретиться с тобой глазами и убежать, пожелав тебе счастья...

Работая по вечерам над новыми и новыми украшениями, чтобы иметь повод принести их тебе и еще раз тебя увидеть.

Мне было наплевать на деньги, и потому они пришли ко мне. Я вскоре понял, что могу зарабатывать ремеслом боль-

ше своей зарплаты. Это ничего не меняло – я всегда предпочитал стабильность даже оправданному риску. Но ты однажды заметила, что многие покупатели хотели бы сделать личный заказ, а тебе трудновато торговать без напарника...

В тот же день я написал заявление об увольнении.

И началась жизнь.

Радостная, от того, что я по несколько часов в день проводил рядом с тобой.

Неприятная, из-за необходимости работать продавцом и общаться с людьми.

Уже тогда я начал понимать, что это неспроста. Что жизнь начала новый урок и ты в нем – учитель, стимул к движению вверх.

Я ломал себя.

И это было в кайф.

Я сдирал с себя ошметки задубевшей старой шкуры.

И новая шерстка была пушистая и повышенной лохматости.

Все становилось проще и сложнее. Мир складывался как узор калейдоскопа, сростался в мозаику и обретал четкость завершенного полотна.

Люди превратились из монстров в людей. А рядом была принцесса, ради которой ничего не стоило разорвать в клочки тех, кто не хотел превращаться.

Вроде Вадьки.

Он вызывал во мне все большую неприязнь.

Ты никогда не говорила о нем плохо, но слишком часто я встречал в твоих глазах печаль. Следы недавних слез.

Я ни о чем не спрашивал тебя. И вовсе не из страха. Страх ушел. Я не хотел, не мог доставить тебе боль. И я старался быть тем островком, где ты смогла бы отдохнуть, расслабиться, набраться сил. А если ты захочешь поделиться своим грузом, то я всегда готов его принять.

И я не спрашивал, я наблюдал.

За твоим странным отношением к Вадиму. За мимолетными словами и выражением лица. И эти наблюдения сложились в четкую и некрасивую картину.

Но чем дальше, тем больше я видел, что в картине есть кто-то еще.

Генка. Он давно уже завязан с Вадькой общим бизнесом. Но слишком часто он «случайно» ходит мимо. И ты становишься такой веселой, ласковой и мягкой. Только грусть не уходит со дна твоих глаз.

Так проходили дни.

А вечерами я включал компьютер.

В это время Андрюшка приходил с работы к себе домой и вызывал меня по модему. Мы какое-то время болтали, а затем, прервавшись для того, чтобы сготовить и поставить возле компьютеров что-нибудь вкусненькое, запускали игры.

Обычно мы резались в стратегии. Строили замки и горо-

да, открывали звездные миры. И устаивали войнушки. Мы всегда выбирали максимальный уровень сложности с наибольшим числом компьютерных соперников и первую часть игры посвящали их уничтожению, захвату территорий и ресурсов. Мы до последнего, выдерживали нейтралитет по отношению друг к другу. Но в какой-то момент Андрюшкины армии устремлялись к моим границам, и начиналось...

Космические флоты утюжили миры, и планеты превращались в облака плазмы, на уцелевшие высаживались десанты разумных жаб, или происходило тотальное телепатическое зомбирование...

Драконы нападали плотной стаей. Но сторожевые башни сбивали их и рушились под ударами каменных глыб, выпущенных из катапульта. А ответные рейды магов опустошали сверкающим каскадом небесных камнепадов деревни орков, валили проворных гоблинов и заставляли разбегаться некромантов...

Массированный ядерный удар, и одна единственная танковая дивизия захватывает целый континент...

У каждого из нас был свой особый почерк. Я действовал осторожно и тщательно, взвешивал каждый шаг, скрупулезно выстраивал инфраструктуру, собирая мощные и хорошо сбалансированные армии, которые шли в бой планомерно

и тактически безупречно. А Андрейка...

Андрейка как жил, так и играл. Быстро и бесстрашно, не обращая внимания на мелочи, нанося неожиданные и, на первый взгляд, бессмысленные удары. Только на первый взгляд. Его манера ведения боя представляла собой сплошной поток атаки, где каждый удар был не особо опасен и обычно мной отбивался. Но невозможно успеть везде и сразу, и Андрей, нащупав слабое место, шел в прорыв, а мне приходилось мобилизовать все ресурсы, уходить в глухую оборону. Или проигрывать.

Обычно игры продолжались много дней подряд. Успех переходил из рук в руки, и победа доставалась в основном благодаря ошибкам противника. Я ловил Андрея на мелких неточностях и медленно, но верно дожимал его силой. А он ловил меня на одном-двух крупных проколах, и тогда мое поражение было молниеносным и сокрушительным.

Еще Андрей любил побегать толпой в «Квейк», но без меня, с другими ребятами, знакомыми по сети. Я лишь изредка составлял ему компанию. Не люблю я экшин, с их тупым слонянием по уровням в поисках ключей к запертым дверям. Да и думер я был ниже среднего. Это Андрюша мог без перезагрузки и ключей пробегать насквозь на уровне «Невозможно».

Вот так мы и развлекались, погружившись в иллюзорный и захватывающий виртуальный мир.

Но этим наши контакты с Андрюшкой не ограничивались.

Он все чаще забежал на обеде к нам в палатку. И очень быстро сделался своим, и накрепко с тобой сдружился. Вы стали друг для друга Ната и Андрюшенька. Меня это несколько не цепляло. Я только радовался вашей дружбе, и, если надо, отходил на второй план. Он для тебя был младшим братишкой, а ты для него самым близким и искренним другом, и он был готов любому перегрызть за тебя горло.

Вот ведь как получилось. У вас сложился тот вид отношений, который я пытался изобразить. Чувствуя к тебе совсем другое...

Иногда вместе с Андрюшей к нам в гости приходил Рома. Он был всегда молчалив и приветлив. Внимательно и понимающе слушал наши беседы и тихонько, необидно посмеивался над шутками и приколами. А они были у нас постоянно.

Обычно мы покупали у лотошников какие-нибудь чебуреки или пирожки и, налив из термоса горячего чая, усаживались в глубине палатки пообедать.

— Олег, какие сегодня пирожки вкусные, — блаженно закатывая глаза, говорит Андрей. — А знаешь почему?

— Почему? — ловлюсь я.

— Потому, что сегодня их сделали из лучших сортов Тестиума и Картофилиума.

— Да, не случайно начинка в них имеет зеленую окраску с коричневыми пятнышками.

– Что символизирует дружбу всех народов, – подхватывает Андрей.

– И доказывает, что пирожок из картофилиума ничто без добавок Тараканиума усастого.

– Ребята, прекратите! – смеясь, останавливаешь нас ты. – Весь аппетит испортили.

– Весь не испортили, – хладнокровно возражает Андрей.

– И ты должна радоваться за моего друга, которому за ту же цену достались не картошковые пирожки, а мясные.

И мы продолжаем усердно поглощать, в общем-то, вполне вкусный продукт...

Наше веселье лишь иногда портили визиты Вадима. Он неприязненно и подозрительно зыркал на Андрея. Невнятно здоровался со мной. Сухо разговаривал с Наташей. Только с Романом он вел себя вполне мирно и дружелюбно. Уж очень трудно с ним ссориться и на него обижаться.

Сарагон. Черный замок

Он встает из пены шторма.

И белые брызги льнут к черному камню.

Он был бы красивым, не будь таким страшным.

Черный Замок.

Стройные сторожевые башни. И высокие прочные стены.

Узкие бойницы и легкие арки мостов над колодцем двора.

Изящество.

Изящество смерти.

Стрелы тьмы, рвущие солнечный день.

Десять лет назад он был другим. Розовый гранит его стен отражался в восходе, и яркие флаги полоскали на чистом морском ветру.

Но пришел Ротмар – Черный Рыцарь.

И покрыла замок тьма. Камни наполнились мраком ночи, луга превратились в пустошь, деревья в лесах скорчились и отрастили вместо листьев шипы, а в ветвях и непролазных зарослях поселились уродливые, злобные создания, от вида которых кровь стынет в жилах и сжимает сердце тоска.

Печать тьмы.

Она легла на все.

Она легла на всех.

Она легла на нас.

Датчик

20 декабря

– Привет, Олега! Как дела? – голос из наушников немного усталый, и это диссонирует с ухмыляющейся очкастой рожей, глядящей с его аватарки.

– Нормально, а у тебя? Чего не пришел на обед? Наталка даже волновалась немного.

– Не вышло. Ты извинись за меня завтра. И привет передай – во-от такой!

– Ладно, передам. Уговорил. Как там на работе?

– Обычный дурдом. Знаешь, где я сегодня пахал?

– Ну?

– В кабинете у шефа «Апекса».

– Ни фиги себе! И как ты докатился до такой жизни? Или тебя перевели в монтажники? Это ж, за какие грехи?

– Армен взял отгул, уехал куда-то. А тут срочный заказ – подключить охранку в новом офисе «Апекса». Знаешь, на Мира? Ну и отправили меня богом в помощь. Приперся я туда, значит, а в дверях стоит такой: морда каменная, пистолет-пулемет ненавязчиво на меня направил. Дал я ему свои документы, почитать. Он долго искал знакомые буквы, картинку рассматривал, но пропустил-таки. Прошел я по коридору – чуть в ковре не утонул, хорошо плавать умею. Раз-

греб, значит, ворс, пробрался в кабинет. Босса, конечно, там не было, одни только Генка с Вадимом. Ну, мы там и оторвались. Датчики, естественно, подцепили, в креслах кожаных посидели, пообедали в приемной всякой вкуснятиной. В общем, отвисли, мне даже понравилось.

– Да, повезло тебе сегодня. Я люто завидую.

– Ага. Это не с деревяшками возиться. Электроника. Там, кстати, новенькие прибабахи поставили.

– Это какие? – без особого интереса осведомился я.

– А фиг его знает. Сбегал я в сортир, возвращаюсь, Вадька ковыряется в датчике. Стандартном таком емкостнике. Но у меня-то глаз наметанный, сразу заметил, что там добавлена какая-то штуковина, вроде маленькой релюшки. «А это на фига?» – спрашиваю. Вадька быстро закрыл корпус и отвечает: «Много будешь знать... Да новая схема, добавочный блок с анализатором перемещений... Специальный заказ от Хозяина». Я только хотел порасспросить, но в этот момент Генка ка-ак хряпнется со стремянкой об пол. Ну, тут суета поднялась, вопли, маты. Я о датчике забыл... Тут только одна странность... Не понравилось мне, как Генка посмотрел на Вадьку, когда поднимался с пола и потирал ушибленную задницу... Мол – заткнись придурок...

Такой вот разговор.

В этот вечер мы решили не играть. Андрюшка отправился

в гости к отцу, да и настроение у нас обоих было паршивое.

Мне надо было сделать пару-тройку колец, но я не стал за них браться. Не то состояние.

Быстренько согрел чайник, сварганил себе бутерброд с двумя холодными котлетами и, разведя растворимый кофе, опять засел за компьютер.

На душе было погано и отчего-то тревожно, и, чтобы вытравить эту гадость из мозгов, я достал с полки компакт-диск с «Мастером Ориона-2» загнал его в сидишку и погрузился в хитрое переплетение политики звездной империи Мршан, разборки с Дарлоком и Клаконцами.

Игра выключила меня из реальности часа на четыре, чего я, собственно, и добивался. Но выключила не полностью. Остался осадок, ощущение чего-то несделанного или упущенного.

И, вырубив компьютер, я понял, что спастись бегством бессмысленно. Я привык уходить от неприятностей, умело лавируя и перепрыгивая в нужные потоки, но врать самому себе – это уж слишком.

Пора, Олежка, сделать пересмотр. Давненько я не занимался этой штуковиной из Серегиного арсенала.

Я еще раз наскоро перекусил и улегся в кровать. Быстренько прогнал энергию по основным каналам, растворился в теплой невесомости и начал прокручивать киноленту сегодняшнего дня в поисках узлов.

Наташа.

Кто же еще?!

Опять у тебя озабоченный взгляд и невеселая полуулыбка. И что-то не ладно между тобой и Вадимом. Не ссора, но все же...

И какая ты все-таки красивая. Мне хорошо, когда ты рядом, но я стараюсь не показать этого, прячусь за нарочитой колкостью и самомнением. Ты от этого еще больше хмуришься, но у меня нет другого выхода. Нельзя, чтобы другие видели, как я к тебе отношусь. Я не хочу косых взглядов и шепотка за спиной. А, главное, не хочу конфликта с Вадимом.

Или боюсь?

Да.

Я всю жизнь уходил от выяснения отношений. Это стало моей сущностью, основой личности, подходом к жизни. И я не хочу, не могу, просто боюсь это менять. Даже ради тебя.

Даже ради тебя?

Нет.

Нет, черт возьми!

Пошли они все к дьяволу. Какое мне дело до них! Кто я — человек или слизняк?

Пока что второе.

Но только пока!

Я с этим разберусь.

Завтра же.

Сарагон. Под стенами

«Шестой день месяца Единорога.

Катапульты собрали вчера. Этой ночью под туманным пологом, опустившимся по воле наших колдунов, ратники и канониры подвели их к западной стене. С первыми лучами солнца все двенадцать механических чудовищ взметнули в воздух каменные глыбы. Мастер Трогон подтвердил свой заслуженный титул. Все камни поразили цель, осыпали зубцы у черных стен, вызвали переполох и крики раненых врагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.